



**ЭМИЛИ**

**БРОНТЕ**

*ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ*

*Книги, изменившие мир.  
Писатели, объединившие  
поколения.*

**Э К С К Л Ю З И В Н А Я    К Л А С С И К А**

Эксклюзивная классика (АСТ)

Эмили Бронте  
**Грозовой перевал**

«Издательство АСТ»

1847

УДК 821.111-31  
ББК 84(4Вел)-44

### **Бронте Э.**

Грозовой перевал / Э. Бронте — «Издательство АСТ»,  
1847 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-127202-9

«Грозовой перевал» Эмили Бронте – не просто золотая классика мировой литературы, но роман, перевернувший в свое время представления о романтической прозе. Проходят годы и десятилетия, но история бурной, страстной, трагической любви Хитклифа и Кэти по-прежнему не поддается ходу времени. «Грозным перевалом» зачитывалось уже много поколений женщин – продолжают зачитываться и сейчас. Эта книга не стареет, как не стареет истинная любовь... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-127202-9

© Бронте Э., 1847  
© Издательство АСТ, 1847

## Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	41
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

# Эмили Бронте

## Грозовой перевал

### Глава 1

1801 год. Я только что воротился после визита к своему домовладельцу, проживающему по соседству, – единственному человеку, кто мог бы нарушить мой покой. Здешние места поистине чудесны. Во всей Англии, пожалуй, не сыщешь пристанища, столь удаленного от светской суеты. Рай для мизантропа. Мы же с мистером Хитклифом, похоже, идеально подходим для того, чтобы разделить меж собою этот заброшенный уголок. Славный малый! Едва ли он догадался о пробудившейся во мне симпатии в тот момент, как я, подъехав к нему верхом, заметил, что при моем появлении он спрятал свои черные глаза под насупленными бровями, а при звуке моего имени упрямым жестом засунул пальцы глубже за борт жилета.

– Мистер Хитклиф? – спросил я.

В ответ он лишь кивнул.

– Мистер Локвуд, ваш новый жилец, сэр, – представился я. – Почел за честь посетить вас сразу же по приезде и выразить надежду, что не причинил вам неудобств своими настойчивыми просьбами поселиться в поместье «Дрозды». Вчера я слышал, что у вас были некоторые сомнения...

– «Дрозды» – моя собственность, – поморщившись, прервал он меня. – И если таковое в моих силах, я не допущу никаких неудобств, от кого бы они ни исходили. Прошу!

«Прошу» было произнесено сквозь стиснутые зубы и прозвучало скорее как «Пошел ты к черту». Даже ворота, которые он толкнул, не пожелали отворяться. Подобные обстоятельства заставили меня сие приглашение принять. Я почувствовал интерес к человеку, который показался мне еще более замкнутым, чем я сам.

Заметив, что моя лошадь почти уперлась грудью в ворота, он все-таки снял с них цепь и с мрачным видом пошел впереди по мощеной дорожке. Во дворе он крикнул:

– Джозеф, возьми коня у мистера Локвуда и принеси нам вина.

«Похоже, один человек заменяет здесь всю прислугу, – подумал я, услышав столь разные распоряжения. – Неудивительно, что плиты на дорожке заросли травой, а живую изгородь подравнивают овцы».

Джозеф оказался пожилым – нет, старым человеком, быть может, даже очень старым, хотя с виду жилистым и крепким. «Помоги нам, Господь!» – пробормотал он себе под нос с брюзгливым неудовольствием, забрав мою лошадь и посмотрев мне в лицо с такую кислую миною, что я великодушно решил объяснить его восклицание необходимостью получить Божью помощь для переваривания обеда, а не в связи с моим неожиданным появлением.

Жилище мистера Хитклифа зовется «Грозовой перевал»<sup>1</sup>, что указывает на бурные атмосферные волнения, присущие этим местам. Похоже, тут действительно постоянно дуют пронизывающие северные ветры, о силе коих можно догадаться по неестественному наклону низкорослых елей у задней стены дома и чахлым кустам терновника, тянущимся ветвями в одну сторону, будто выпрашивая милостыню у солнца. К счастью, архитектор оказался предусмотрителен и построил дом на совесть: узкие окна были упрятаны глубоко в стены, а углы здания защищены крупными, выступающими из кладки камнями.

---

<sup>1</sup> Строго говоря, название фермы и всего романа следовало бы перевести как «Грозовые холмы», поскольку в данной местности нет высоких гор и, следовательно, перевалов. Значение английского слова «heights» – именно «холмы, возвышенная местность». Однако было принято решение сохранить не вполне точное, но ставшее традиционным название «Грозовой перевал». – *Здесь и далее примечания переводчика.*

На пороге я приостановился, с удовольствием отметив причудливый резной орнамент, щедро украшающий фасад, особенно вокруг парадной двери, над коей среди множества потрескавшихся грифонов и бесстыдных мальчиков мне удалось разглядеть год «1500» и имя «Гэртон Эрншо». Я мог бы кое-что заметить по этому поводу и даже хотел попросить угрюмого хозяина вкратце поведать мне историю его обиталища, но тот, остановившись в дверях, дал ясно понять, что нужно либо входить не мешкая, либо убираться восвояси, а у меня не было желания испытывать его терпение, прежде чем я увижу внутренние помещения.

Сделав шаг, мы сразу оказались в гостиной, перед которой не было ни прихожей, ни коридора. Примечательно, что в здешних местах эта комната зовется «домом». Обыкновенно такой «дом» служит одновременно и кухней, и гостиной, но, как видно, в «Грозовом перевале» кухне пришлось ретироваться в глубь здания – во всяком случае, гул голосов и звон посуды доносились откуда-то издалека, и я не заметил никаких признаков того, что в огромном очаге гостиной что-нибудь жарилось, варилось или выпекалось, да и на стенах не поблескивали ни медные кастрюли, ни жестяные дуршлагги. Свет и жар, впрочем, сосредоточились в другом конце помещения, где к самой крыше поднимались дубовые полки поместительного посудного шкафа с большими оловянными блюдами вперемежку с серебряными кувшинами и высокими кружками. Крыша была как на ладони: любопытному взору открывалась вся ее анатомия, кроме тех мест, где крепились деревянные рамы с привязанными к ним овсяными лепешками и говьяжьими, бараньими и свиными окороками. Над камином висели старинные ружья жутковатого вида, а также пара кавалерийских седельных пистолетов. В качестве украшения на каминной полке были расставлены ярко раскрашенные жестяные коробочки. На полу, покрытом ровными белыми плитами, стояли грубо сколоченные стулья с высокими спинками, крашенные зеленой краской. В тени прятались еще два тяжелых стула черного цвета. В нише под посудным шкафом примостилась крупная темно-каштановая сука с выводком визжащих щенков-пойнтеров. Остальные уголки гостиной заполнили другие собаки.

Комната и обстановка не показались бы особенными, принадлежи они простоватому северному фермеру, как правило, упряму по натуре, с мускулистыми ногами, выгодно подчеркнутыми короткими штанами и гетрами. Такой детина, сидящий в кресле за круглым столом с кружкой пенного эля, встретится вам где угодно на пять-шесть миль вокруг среди окрестных холмов, если надумаете после обеда заглянуть в его жилище. Но мистер Хитклиф с виду никак не соответствует ни своему обиталищу, ни образу жизни. Смуглым лицом он похож на цыгана, а манерами и платьем – на джентльмена, точнее, на обычного деревенского сквайра, каких много. Быть может, он несколько неряшлив, однако его неухоженность едва ли дурного свойства, ибо он статен, держится прямо. И весьма мрачен. Возможно, кто-то заподозрит в нем спесивость, не свойственную людям воспитанным, но некое внутреннее расположение к этому человеку подсказывает мне, что дело идет о другом. Мое чутье говорит, что его замкнутость происходит из отвращения к проявлению показных чувств и выражению ответного добросердечия. И любить, и ненавидеть он будет в равной мере скрытно и сочтет дерзостью, ежели кто-то его полюбит или возненавидит. Но нет, я слишком забегаю вперед. И чересчур вольно приписываю ему свои собственные свойства. У мистера Хитклифа могут быть совершенно иные причины избегать рукопожатия при встрече с человеком, желающим с ним познакомиться, чем те, что руководят мною. Смею надеяться, что мой душевный склад неповторим. Милая моя матушка говаривала, что домашний уют не для меня, и как раз этим летом я на деле доказал, что вовсе его недостоин.

Наслаждаясь целый месяц прекрасной погодой на побережье, я неожиданно очутился в обществе одного восхитительнейшего создания – богини, как чудилось мне до тех пор, пока она не удостоила меня своим вниманием. Я не «выражал нахлынувших чувств» словами, однако взгляды, которые человек бросает на предмет своего обожания, и без того говорят о многом, и даже законченный глупец догадался бы, что я безумно влюблен. Наконец она меня

поняла и послала мне ответный взгляд – такой нежный, что невозможно описать. И что я сделал? Стыдно признаться – с ледяным видом ушел в себя, точно улитка в раковину. И с каждым новым ответным взглядом я делался все холоднее и отстраненнее, пока невинная бедняжка в конце концов не усомнилась в собственных ощущениях и, объятая смущением из-за предполагаемой ошибки, не упростила маменьку удалиться. По причине столь странной смены настроения я прослыл человеком расчетливым и бессердечным, и только мне одному ведомо, как это было несправедливо.

Я уселся по другую сторону камина, напротив того места, куда направился мой хозяин, и, дабы заполнить паузу, попытался приласкать суку, которая, оставив свой выводок, словно волчица, подбиралась сзади к моим ногам: ее губа уже потихоньку поползла вверх, а белые клыки готовы были впиться мне в ляжку. На мою ласку она отреагировала долгим гортанным рычанием.

– Оставьте собаку в покое, – в унисон с ней рявкнул мистер Хитклиф и пнул животное, желая пресечь более яростное проявление агрессии. – Нечего ее баловать, это вам не комнатная собачонка. – Затем, широким шагом подойдя к боковой двери, позвал: – Джозеф!

Джозеф что-то пробормотал из глубины подвала, но никаких признаков того, что он поднимется, не последовало, поэтому хозяин спустился к нему, оставив меня наедине с проклятой сукой и парочкой злобных лохматых овчарок, которые вместе с ней пристально следили за каждым моим движением. Не испытывая желаний ощутить на себе ярость их клыков, я сидел не шевелясь. Но решив, что собаки вряд ли воспримут немые оскорбления, я, на свою беду, принялся кривляться и строить рожи этой троице, и в какой-то миг моя скорченная в гримасе физиономия так рассердила мамашу маленьких пойнтеров, что она, расвирепев, прыгнула мне на колени. Я отшвырнул ее и быстро придвинул стол, дабы отгородиться. Поднялся страшный гвалт. С полудюжины ее четвероногих собратьев разных размеров и возрастов выскочили из укрытий в центр комнаты и бросились ко мне, норовя схватить за пятки или вцепиться в фалды. Отбиваясь кочергой от самых крупных из нападавших, я действовал весьма решительно, однако все же был вынужден громогласно просить о помощи кого-нибудь из домочадцев в надежде утихомирить эту свору.

Мистер Хитклиф и его слуга поднимались из погреба, ничуть не торопясь, словно нарочно: они двигались ни на секунду не быстрее обыкновенного, даром что у камина царила суматоха с возней и тьяканьем. К великому счастью, одна из кухарок проявила большее проворство. Эта пышная особа с подоткнутым подолом, засученными рукавами и покрасневшими от кухонного жара щеками бросилась, размахивая сковородой, в самую гущу боя. Благодаря ее грозному оружию и крику буря волшебным образом улеглась. Кухарка одна стояла посреди комнаты, и ее грудь все еще вздымалась, словно морские волны после шторма, когда на сцене появился хозяин.

– Что за чертовщина? – спросил он, посмотрев на меня. Я же едва смог сдержаться после столь негостеприимного приема.

– И вправду, что за чертовщина? – пробормотал я. – Ваши зверюги, сэр, ведут себя точно стадо одержимых бесами свиней. Вы, как видно, готовы запросто оставить своего гостя посреди тигров!

– Если человек ничего не трогает, они не нападают, – заметил он, передвинув на место стол и поставив передо мною бутылку. – Собаки ведут себя как должно – они ведь сторожевые. Бокал вина?

– Нет, благодарю.

– Вас не покусали?

– Если бы покусали, я бы отметил покусавшего своей печатью.

Хитклиф смягчился, и на лице его появилась усмешка.

– Ну-ну, – сказал он. – Вы слишком взволнованны, мистер Локвуд. Вот, выпейте вина. В этом доме так редко бывают гости, что мы с моими собаками уж и не помним, как их положено принимать. За ваше здоровье, сэр!

– И за ваше! – поклонившись, ответил я.

Мне подумалось, что глупо сидеть с мрачным видом из-за своры каких-то шавок, а кроме того, у меня не было охоты давать этому господину повод развлечься за мой счет, раз уж у него такой характер. Хитклиф же стал менее суров – возможно, следуя благоразумному соображению, что нелепо обижать достойного жильца, – и заговорил по-свойски, рублеными фразами, выбрасывая местоимения и глагольные связки. Тему он выбрал, как ему представлялось, для меня интересную: о преимуществах и недостатках моего теперешнего места обитания. Он показался мне человеком рассудительным в этих делах, и прежде чем направиться домой, я поведал ему о намерении нанести еще один визит на следующий день. Впрочем, похоже, это пришлось ему явно не по душе. Но я все равно явлюсь. Поразительно, каким общительным кажусь я сам себе по сравнению с ним!

## Глава 2

Вчерашний день выдался холодным и туманным. Я было решил провести его в кабинете у камина вместо того, чтобы пробираться по грязи и болоту к «Грозовому перевалу». А потому после обеда отправился наверх (кстати, обедаю я между двенадцатью и часом. Ключница, степенная матрона, доставшаяся мне вместе с жилищем, не смогла, да и не пожелала понять мою просьбу подавать обед в пять) и, поднявшись по лестнице с этим продиктованным леностью намерением, я вошел в свою комнату. Там молоденькая служанка, стоя на коленях среди щеток и ящичков с углем, поднимала клубы адского дыма и пепла – она пыталась загасить пламя, навалив на него кучу золы. Сцена эта заставила меня немедленно повернуть назад. Я взял шляпу и, прошагав четыре мили, очутился у садовых ворот Хитклифа как раз в тот момент, когда с неба хлопьями повалил снег.

На открытом всем ветрам холме черная земля успела затвердеть от мороза, а сам я трясся от холода. С цепью на воротах совладать мне не удалось, поэтому, перепрыгнув через забор, я побежал к дому по мощенной плитами дорожке, вдоль коей были посажены редкие кусты крыжовника. Тщетно стучался я в дверь, пока у меня не занемели костяшки пальцев. Из дома доносился лишь вой собак.

«Проклятие этому дому! – про себя восклицал я. – Вас надобно навечно изолировать от вам подобных за мрачность и злобу. Уж днем-то можно не запираеть дверь! Но ничего, я все равно войду!» Исполнившись решимости, я схватился за щеколду и затряс ее что есть силы. Из круглого окошка сарая высунулась кислая, как уксус, физиономия Джозефа.

– Вам чего надо? – закричал он. – Хозяин там, в овчарне. Идите в конец сада, коли желаете поговорить.

– Неужели в доме никто не может мне открыть? – крикнул я в ответ.

– Никто. Там токмо одна хозяйка. Но она не откроет, хоть вопите тут до ночи.

– Почему, Джозеф? Разве вы не можете сказать ей, кто я?

– Нет уж! Мое дело – сторона, – пробормотал он, и голова его скрылась.

Снег валил все сильнее. Я ухватился за ручку двери и повторил попытку проникнуть внутрь. В это время на заднем дворе появился молодой человек без плаща и с вилами на плече. Он сделал мне знак следовать за ним, и, миновав прачечную и мощеный участок, на котором разместились угольный сарай, водокачка и голубятня, мы наконец оказались в просторной и теплой гостиной, где меня принимали накануне. Комната была озарена веселым светом пылавшего в камине огня, на растопку которого пошли уголь, торф и дрова, а у стола, обильно накрытого к ужину, я с удовольствием заметил «хозяйку», о чьем существовании до этого даже не подозревал. Поклонившись, я ждал, что она предложит мне сесть. Но она лишь глядела на меня и, откинувшись на спинку стула, сидела неподвижно и молчала.

– Ужасная погода! – заметил я. – Боюсь, миссис Хитклиф, на входной двери остались отметины из-за нерасторопности вашей прислуги. Мне пришлось очень постараться, чтобы меня услышали.

Она не разомкнула губ. Я смотрел на нее, а она на меня. Взгляд у нее был холодный и безразличный, все более вызывавший у меня чувство неловкости и неприязни.

– Садитесь, – буркнул молодой человек. – Он скоро придет.

Я послушался и, прокашлявшись, подозвал Юнону, которая на этот раз соизволила чуть шевельнуть кончиком хвоста в знак нашего знакомства.

– Красивое животное! – вновь заговорил я. – Вы собираетесь раздать щенков, мадам?

– Они не мои, – отвечала сия милая хозяйка в еще более отталкивающей манере, чем позволял себе Хитклиф.

– Так, значит, ваши любимцы там! – догадался я, повернувшись к скрытой тени под стилке, на которой лежали какие-то животные, кажется, кошки.

– Странный выбор любимцев! – с издевкой в голосе проговорила она.

К несчастью, оказалось, что за кошек я принял битых кроликов. Снова кашлянув, я придвинулся ближе к огню и повторил что-то про ужасный вечер.

– Вам не следовало выходить из дома, – сказала она, поднявшись, и потянулась к двум раскрашенным коробочкам на каминной полке.

До этого жеста хозяйку скрывала тень, теперь же мне стали хорошо видны ее фигура и лицо. Она оказалась изяшной, прекрасно сложенной и совсем юной. У нее были очаровательное личико с мелкими чертами и белой кожей, соломенные, нет, скорее, золотистые кудряшки, рассыпавшиеся по нежной шее. А глаза... если бы они излучали приветливость, перед их взглядом трудно было бы устоять. К счастью для моего чувствительного сердца, они выказывали лишь презрение, временами переходившее в нечто похожее на отчаяние, – эмоции, которые удивительно было наблюдать у столь юного создания.

Миссис Хитклиф едва ли могла достать до коробочек, и я, желая прийти на помощь, сделал шаг в ее сторону, но она обернулась ко мне, словно скупец, которому предложили помочь пересчитать его золото.

– Не мешайте, – огрызнулась она. – Я и сама достану.

– Прошу прощения, – промолвил я поспешно.

– Вы приглашены на чай? – спросила она, держа ложку с чайным листом над заварочным чайником, после того как надела передник поверх скромного черного платья.

– С удовольствием выпил бы чашечку.

– Вы приглашены? – повторила она свой вопрос.

– Нет, – едва улыбнувшись, ответил я. – Однако ж вы могли бы меня пригласить.

Она швырнула коробочку с чаем и ложку назад, на полку, и вновь уселась на стул в дурном расположении духа, нахмурив лоб и выпятив алую нижнюю губку, точно дитя, готовое расплакаться.

Тем временем молодой человек накинуд на плечи что-то весьма поношенное и, встав у огня, краем глаза следил за мною с таким видом, будто меж нами давно идет смертельная вражда. Я засомневался, слуга ли он в самом деле. Речь его и одежда были грубы и никак не предполагали высокого положения, явно занимаемого мистером и миссис Хитклиф. У парня были выющиеся каштановые волосы, густые и неухоженные, мохнатые бакенбарды, торчавшие во все стороны, загорелые руки, как у простого работника, который много трудится на свежем воздухе. Но держался он свободно, почти высокомерно, и не проявлял должной почтительности по отношению к хозяйке. При отсутствии каких бы то ни было указаний на его место в доме я решил не обращать внимания на столь странное поведение, и через пять минут появление Хитклифа в какой-то мере избавило меня от этой неловкости.

– Вот видите, сэр, я пришел, как и обещал, – веселым голосом начал я. – И боюсь, из-за ненастья придется мне пробыть у вас с полчаса, если вы согласитесь предоставить мне убежище.

– С полчаса? – спросил Хитклиф, стряхивая с одежды снежные хлопья. – Как вам только в голову пришло отправиться гулять в такую метель? Вы понимаете, что можете заплутать на пустоши? В такие вечера даже местные жители сбиваются с пути. И уверяю вас, пока никаких изменений в погоде не предвидится.

– А не мог бы я взять провожатого из ваших работников? Он бы довел меня до «Дроздов» и переночевал там. Вы не отпустите со мною кого-нибудь?

– Нет, не отпущу.

– Ах вот как! Что ж, значит, придется мне рассчитывать на собственные силы.

– Хм! Мы сегодня собираемся пить чай? – спросил Хитклиф у молодого человека в поношенном платье, переведшего свой свирепый взгляд с меня на юную хозяйку.

– А *ему* наливать? – спросила она у Хитклифа.

– Приготовь чай, понятно? – последовал ответ, и слова эти были наполнены такою злобою, что я содрогнулся. Тон его голоса говорил о натуре поистине скверной. Мой язык уже не повернулся бы назвать Хитклифа славным малым.

Когда приготовления закончились, он пригласил меня к столу:

– Ну, сэръ, придвиньте свой стул.

Все мы, включая ершистого юношу, сели вокруг стола и принялись за еду в суровом молчании.

Мне подумалось, что коли уж я нагнал эту черную тучу, то мой долг постараться ее рассеять. Не могут же они каждый божий день сидеть с таким угрюмым и хмурым видом! Каким бы скверным характером ни наделила их природа, невозможно, чтобы они постоянно пребывали в столь мрачном настроении.

– Удивительно, – начал я, быстро выпив одну чашку и ожидая, когда мне нальют другую, – как обычай влияет на наши вкусы и мысли. Немногие предположили бы существование счастливой жизни в такой удаленности от мира, как здесь, мистер Хитклиф. Однако осмелюсь сказать, что в окружении семьи, с вашей любезной супругой, чей гений царит в вашем доме и сердце...

– С моей любезной супругой! – перебил он меня с почти дьявольской усмешкой. – Где ж это она, моя любезная супруга?

– Я говорю о миссис Хитклиф.

– Ну да... Значит, вы полагаете, что дух ее стал моим добрым ангелом и хранит покой «Грозового перевала», хотя тело ее лежит в земле. Правильно ли я вас понял?

Догадавшись, что совершил оплошность, я попытался ее исправить. Мне следовало бы сразу сообразить, что между мистером и миссис Хитклиф разница в возрасте слишком велика, чтобы они могли быть мужем и женой. Ему лет сорок – время умственного расцвета, когда мужчина едва ли станет питать иллюзии, что молоденькая девушка пойдет за него по любви; такие мечты утешают нас лишь в преклонные годы. А ей не дашь и семнадцати.

Тут меня осенило: чучело, что сидит рядом со мной, пьет чай из блюдца и ест хлеб немывтыми руками, должно быть, ее муж – ну, конечно же, это Хитклиф-младший! Вот что бывает, когда девушку похоронят заживо в подобной глуши! Она бросилась в объятия мужлана, ибо даже не догадывалась, что есть на свете люди куда более достойные. Какая жалость! Нужно быть осторожным, чтобы моя персона не заставила ее пожалеть о сделанном выборе. Последнее замечание может показаться нескромным, но это не так. Мой сосед за столом казался мне почти омерзительным. Я же обладаю довольно привлекательной внешностью, о чем знаю по опыту.

– Миссис Хитклиф – моя невестка, – сказал Хитклиф, подтвердив мою догадку. С этими словами он кинул на нее странный взгляд – словно бы ненавидящий, если только Хитклифу несвойственна какая-то особенная, извращенная мимика, которая не передает языка души.

– Ну конечно, теперь я понимаю. Значит, счастливый обладатель этой доброй феи – вы? – спросил я, повернувшись к соседу.

На этот раз я оплошал еще больше. Парень побагровел, сжал кулаки и, казалось, был готов вот-вот на меня наброситься. Но вскоре, подавив гнев, взял себя в руки, и до меня донеслось лишь грубое ругательство, которое он пробормотал в мой адрес. Я, впрочем, сделал вид, что ничего не заметил.

– Вы ошиблись в своих предположениях, сэръ, – заметил хозяин. – Никому из нас не посчастливилось стать обладателем вашей доброй феи. Ее супруг умер. Я сказал вам, что она моя невестка, стало быть, она была замужем за моим сыном.

– А этот молодой человек...

– Не мой сын, конечно!

Хитклиф снова улыбнулся, словно записать ему в сыновья такого медведя было, с моей стороны, довольно смелой шуткой.

– Меня зовут Гэртон Эрншо, – прорычал парень. – И советую вам уважать это имя!

– Но я не проявлял к вам неуважения, – ответил я, про себя посмеявшись над высокомерием, с коим он мне представился.

Грубиян долго сверлил меня взглядом, но я не стал отвечать тем же, ибо опасался, что в конце концов или надеру ему уши, или расхожусь. Мне явно стало не по себе в этом милом семейном кругу. Тепло очага и ощущение удобства уже не спасали меня от гнетущей атмосферы душевной мрачности, и я решил, что крепко подумаю, прежде чем переступлю порог этого жилища в третий раз.

Ужин был съеден в полном молчании, и, поскольку никто не пытался завязать беседу, я подошел к окну, дабы выяснить, не переменялась ли погода. Моим глазам предстала грустная картина – до времени опустилась темная ночь, и небо смешалось с окрестными холмами в вихрях ветра и удушающей метели.

– Верно, мне не дойти до дома без провожатого, – вырвалось у меня. – Дороги, похоже, занесло. Но если бы они еще оставались, все равно даже на шаг вперед ничего не видно.

– Гэртон, загони овец под амбарный навес. Скотину засыплет снегом, ежели оставить ее на ночь в овчарне. И загороди выход доской, – распорядился Хитклиф.

– А мне что делать? – спросил я, все более раздражаясь.

Ответа не последовало. Обернувшись, я обнаружил лишь Джозефа, который принес собакам ведро каши, и миссис Хитклиф, склонившуюся к огню. Для развлечения хозяйка жгла спички, которые упали с каминной полки, когда она ставила на место коробку с чаем. Джозеф опустил свою ношу, с недовольным видом оглядел комнату и проскрипел надтреснутым голосом:

– Как это вы стоите и ничегошеньки не делаете, а все-то, вона гляньте, на двор побежали! А от вас никакого проку, нечего тут и говорить – вы никогда не исправитесь и напрямиком к дьяволу попадете, следом за своею матерью!

На мгновение мне почудилось, что тирада сия адресована была мне, и, придя в ярость, я двинулся к старому негоднику с намерением вышвырнуть его вон. Однако меня остановили слова миссис Хитклиф:

– Ах ты, подлый старый лицемер! Не боишься разве, что тебя утащит сатана, если помянешь его? Предупреждаю: не зли меня, иначе попрошу в качестве особого одолжения, чтобы черти уволокли тебя в преисподнюю. Постой! – продолжала она, взяв с полки большую книгу в темном переплете. – Погляди, Джозеф, как я преуспела в искусстве черной магии. Скоро я все буду уметь. Ведь рыжая корова не просто так околела. А твой ревматизм едва ли был ниспослан Провидением.

– Ведьма, ведьма! – запричитал старик. – Храни нас Господь от всяческой скверны!

– Ну уж нет, нечестивец, ты обречен! Убирайся, или я наведу на тебя порчу! Сделаю ваши куклы из глины и воска, и первого, кто перейдет установленные мною пределы, я... Не стану говорить, что с ним будет, сам узнаешь! Уходи же! Я жду.

Прекрасные глазки маленькой ведьмы загорелись притворною злобою, и Джозеф, затрясшись от неподдельного ужаса, поспешил покинуть комнату, бормоча молитву и время от времени восклицая: «Ведьма, ведьма!» Я решил, что поведение молодой женщины вызвано некоей разновидностью мрачного веселья, и теперь, когда мы остались одни, попытался пробудить в ней сочувствие к моему отчаянному положению.

– Миссис Хитклиф, – заговорил я, пытаюсь быть убедительным, – простите меня за беспокойство. Но, глядя на ваше лицо, я вправе заключить, что вы непременно должны быть жен-

щиной добросердечной. Назовите мне хоть какие-нибудь ориентиры, по которым я мог бы добраться домой. Сейчас сделать мне это так же трудно, как вам доехать до Лондона!

– Идите по той дороге, по которой пришли, – отвечала она, сев на стул рядом со свечкой и открыв свою большую книгу. – Совет краткий, но ничего более разумного я предложить не могу.

– Значит, если вы услышите, что меня нашли утонувшим в болоте или замерзшим в запорошенной снегом яме, ваша совесть не шепнет вам, что отчасти в том есть и ваша вина?

– С чего бы это? Я не могу вас сопровождать. Меня не пустят даже до садовой ограды.

– *Вы?* В такой вечер я ни за что не попросил бы вас ради меня переступить порог этого дома! – воскликнул я. – Я всего лишь прошу *рассказать*, а не *показать*, куда идти, или убедить мистера Хитклифа дать мне провожатого.

– Кого же? Здесь только сам мистер Хитклиф, Эрншо, Зилла, Джозеф и я. Кого вы возьмете?

– На ферме нет мальчишек?

– Нет. Только те, кого я назвала.

– Выходит, я буду вынужден остаться.

– Договаривайтесь с хозяином. Мне до этого нет дела.

– Полагаю, вы получили хороший урок и в другой раз не будете пускаться в рискованные путешествия по здешним холмам, – прозвучал суровый голос Хитклифа из дверей кухни. – Что касается возможности остаться, то у меня нет комнат для гостей. Коли останетесь ночевать, придется вам спать в одной постели с Гэртоном или Джозефом.

– Я могу переночевать в этой гостиной, на стуле, – предложил я.

– Нет-нет! Чужак есть чужак, и не важно, бедный он или богатый. Не в моих правилах оставлять без присмотра в гостиной кого попало, – заявил грубиян.

После такого оскорбления терпение мое лопнуло. Выразив негодующим восклицанием свое презрение к этому человеку, я бросился мимо него во двор и второпях наткнулся на Эрншо. Было так темно, что я не смог разглядеть ворота и, пока кружил по двору, услышал еще один образчик приятной беседы, присущей этой компании. Поначалу молодой человек, казалось, отнесся ко мне по-доброму.

– Провожу его до парка, – сказал он.

– Ты проводишь его к черту на кулички! – воскликнул его хозяин или кем он там ему приходился. – А за лошадьми кто присмотрит?

– Жизнь человека важнее, чем ваши лошади. Можно на одну ночь оставить их без присмотра. Кто-то должен с ним пойти, – негромко проговорила миссис Хитклиф с сочувствием, которого я от нее не ожидал.

– Но не по вашему приказу! – огрызнулся Гэртон. – Если он вам так любезен, лучше помолчите.

– Тогда, надеюсь, вас будет преследовать его призрак, а у мистера Хитклифа никогда не появится нового жильца, пока поместье «Дрозды» не превратится в развалины, – злобно ответила миссис Хитклиф.

– Это ж надо такое пророчить! – пробормотал Джозеф, в чью сторону я между тем свернул.

Он сидел совсем близко от меня и при свете фонаря доил корову. Фонарь я тут же бесцеремонно схватил и, крикнув, что верну завтра, бросился к ближайшей калитке.

– Хозяин, хозяин, он украл фонарь! – завопил старик и кинулся следом за мною. – Эй, Зубастик, ату его! Эй, Волчок, держи вора!

Только я успел отворить калитку, как два мохнатых чудища прыгнули на меня и повалили, огонь в фонаре потух, а дружный гогот Хитклифа и Гэртона стал последним штрихом в картине моего унижения и бессильной ярости. К счастью, зверюгам больше хотелось размять

лапы, позевать и помахать хвостами, чем сожрать меня живьем, но они не давали мне двинуться, и пришлось мне лежать, пока их зловредные хозяева не соблаговолили меня освободить. И тогда, потеряв шляпу и дрожа от ярости, я потребовал, чтобы негодяи дали мне уйти – и пусть пеняют на себя, если придется мне задержаться хоть на минуту дольше. Я кричал что-то о возмездии и грозил им с бесконечным негодованием в духе короля Лира.

Из-за столь бурных эмоций у меня хлынула носом кровь, но Хитклиф продолжал смеяться, а я продолжал его распекать. Не знаю, чем бы закончилась сия сцена, если бы поблизости не появилась особа более благоразумная, чем я, и более великодушная, чем мои насмешники. Я говорю о Зилле, дородной служанке, которая наконец вышла из дома, решив выяснить, что за шум во дворе. Ей показалось, что меня избили, и, не осмеливаясь высказать возмущения хозяину, она направила свою словесную артиллерию в сторону младшего мерзавца.

– Ну и ну, мистер Эрншо! – воскликнула она. – Что еще вы тут устроите? Значит, у нас теперь убивают человека прямо на нашем пороге? Видать, не приживусь я в этом доме. Вы только поглядите на беднягу, он сейчас задохнется! Тише, тише, милоч! Вам надобно успокоиться. Идемте-ка в дом, я помогу. Вот так, потихоньку.

С этими словами она вдруг выплеснула кружку ледяной воды мне за шиворот и потащила на кухню. Мистер Хитклиф пошел за нами. Его недолгая веселость быстро уступила место привычной угрюмости.

Я совсем ослабел, голова кружилась, сознание путалось, и потому мне ничего не оставалось делать, кроме как согласиться провести ночь под крышей Хитклифа. Он велел Зилле дать мне рюмку бренди, а сам удалился в свою комнату. Зилла посокрушалась по поводу случившегося со мною печального происшествия и выполнила приказание хозяина, я же, несколько воспрянув после выпитого, последовал за нею в спальню.

## Глава 3

Провожая меня наверх, служанка посоветовала прикрыть ладонью свечку и не шуметь, ибо у хозяина есть странное предубеждение по поводу той комнаты, где она собирается меня разместить, и по своей воле он никогда не согласится, чтобы кто-нибудь остался там на ночлег. Я спросил о причинах, но она ответила, что не знает. Она живет здесь только второй год, а вокруг столько странностей, что про эту даже не успела ничего разузнать.

Ошеломленному всем произошедшим, мне тоже было не до любопытства. Заперев дверь, я огляделся в поисках кровати. Из мебели в комнате были стул, бельевой шкаф и большой дубовый короб с вырезанными сверху отверстиями, напоминающими окна экипажа. Приблизившись к нему, я заглянул внутрь и понял, что передо мною уникальный старинный предмет мебели – своеобразная кровать, удачно спроектированная таким образом, чтобы избежать необходимости предоставлять каждому члену семьи отдельную комнату. Фактически получилось нечто вроде небольшого чуланчика, где маленький подоконник служил столом. Я раздвинул обшитые панелями стенки, влез со свечкою внутрь короба, вновь их задвинул и почувствовал себя в полной безопасности от бдительного Хитклифа и прочих домочадцев.

Поставив свечу на подоконник, я заметил в углу стопку тронутых плесенью книг, сам же подоконник был покрыт процарапанными по краске надписями. Они представляли собою всего лишь имя, писанное различными буквами, большими и маленькими: *Кэтрин Эрншо*, кое-где менявшееся на *Кэтрин Хитклиф*, а потом на *Кэтрин Линтон*.

С вялым безразличием, наклонив голову к окошку, я все глядел на имя этой Кэтрин Эрншо-Хитклиф-Линтон, пока глаза мои не сомкнулись. Но не прошло и пяти минут, как из темноты, точно призраки, передо мною белым огнем полыхнули буквы – в воздухе носилось имя «Кэтрин». Заставив себя проснуться, дабы разогнать этот морок, я заметил, что фитиль свечи почти касается одного из старинных томов и мой чулан наполняется запахом жженой телячьей кожи. Я задул огонь и, чувствуя себя дурно из-за непроходящей тошноты и холода, сел и разложил на коленях поврежденный фолиант. Это был Новый Завет, набранный очень узким шрифтом и источавший затхлый запах. На форзаце стояло: «Из книг Кэтрин Эрншо», а следом – дата, отсылающая на четверть века назад. Я захлопнул том, взял другой, третий... пока не пересмотрел все. Библиотека Кэтрин была подобрана со знанием дела и, судя по потрепанности, использовалась многократно, хотя не всегда по прямому назначению. Едва ли можно было найти хоть одну главу без заметок на полях, писанных чернилами – или, по крайней мере, какого-то текста, похожего на заметки, – которые покрывали каждый оставленный печатником пробел. Некоторые фразы вовсе не имели продолжения; другие скорее напоминали дневник, который велся неровным детским почерком. Вверху пустой страницы (представляю, какое это было сокровище для той, что собиралась ее заполнить) я с большим удовольствием обнаружил прекрасную карикатуру на моего друга Джозефа, выполненную несколькими, однако весьма выразительными штрихами. Во мне тут же пробудился интерес к этой неизвестной Кэтрин, и я взялся разбирать поблекшие иероглифы.

«Ужасное воскресенье! – так начинался параграф под рисунком. – Как бы мне хотелось, чтобы со мною снова был батюшка. Противный Хиндли никогда его не заменит – он безобразно обращается с Хитклифом. Мы с Х. решили взбунтоваться. И сегодня вечером сделали первый шаг.

Целый день лил дождь. Мы не могли пойти в церковь, поэтому Джозефу пришлось собрать всех на чердаке. И когда Хиндли с женой уютно расположились у камина внизу и занимались чем угодно, только не чтением Библии – это уж точно, – Хитклифа, меня и несчастного деревенского мальчишку, который помогает нам во время пахоты, заставили взять молитвенники и подняться наверх. Нас усадили рядом на мешке с пшеницей. Мы ныли и тряслись

от холода, надеясь, что Джозеф тоже замерзнет и поэтому, ради собственного благополучия, прочтет нам проповедь покороче. Как бы не так! Он разглагольствовал ровно три часа, а когда мы спустились, у моего брата хватило совести воскликнуть: «Как? Уже закончили?» Раньше в воскресные вечера нам разрешалось играть, лишь бы не очень шумно, а теперь из-за любого смешка ставят в угол.

«Вы забыли, что у вас есть хозяин, – говорит наш тиран. – Я изничтожу первого, кто выведет меня из себя! Я требую полной тишины и спокойствия. Ах, это ты, мальчишка? Франсес, дорогая, оттааскай его за волосы, когда пойдешь мимо. Я слышал, как он щелкнул пальцами». Франсес от души оттааскала Хитклифа, а потом пошла и села на колени к мужу, и они принялись целоваться и, точно дети малые, лепетать всякую чушь, от которой один стыд. Мы спрятались в укромном местечке под посудными полками. И едва я успела связать наши фартуки и повесить их вместо занавески, как является Джозеф с каким-то поручением из конюшни, разрывает фартуки, дерет меня за ухо и каркает:

– Хозяина надесь схоронили, день воскресный еще не кончился, слова Писания не умолкнули в ушах ваших, а вы ишь забавляетесь! Срам-то какой! Сядьте, дурные дети. Вот вам добрые книги – читайте! Сядьте и думайте о душе!

Сказав это, он заставил нас пересесть, чтобы тусклый свет, идущий от камина в другом конце комнаты, хоть немного попадал на старый хлам, который он сунул нам в руки. Не в силах этого вынести, я схватила свой обтрепанный том за корешок, швырнула его прямо на собачью подстилку и закричала, что ненавижу эту добрую книгу, а Хитклиф отправил свою пинком туда же. Что тут началось!

– Мистер Хиндли! – заорал наш духовный наставник. – Сюда, хозяин! Мисс Кэти у «Шлема спасения»<sup>2</sup> всю обложку как есть отодрала, а мистер Хитклиф пихнул ногою первую часть «Пространного пути, ведущего в погибель»!<sup>3</sup> Негоже допускать чад до этакого святотатства! Эх, старый хозяин уже высек бы нечестивцев, да помер!

Хиндли тут же покинул свой райский уголок у камина, схватил Х. за шиворот, меня за руку и потащил на кухню, где Джозеф принялся вещать, что дьявол теперь-то уж точно до нас доберется – это как пить дать. После таких напутствий каждый из нас забрался в свой угол ждать, когда явится дьявол. Я взяла с полки эту книгу и чернильницу, приоткрыла входную дверь, чтобы было светлее, и теперь минут двадцать могу писать о том, что произошло. Но товарищ мой не хочет ждать и предлагает позаимствовать у молочницы плащ и, укрывшись им, удрать на вересковую пустошь. Мне эта идея нравится. Если старый ворчун придет за нами, то решит, что его пророчество сбылось. Под дождем нам наверняка будет не хуже, чем в доме, – те же сырость и холод».

Полагаю, Кэтрин осуществила свое намерение, ибо в следующей записи говорилось совсем о другом. Здесь уже звучали и скорбь, и слезы.

«Никогда не думала, что из-за Хиндли буду так плакать! – писала она. – У меня голова просто раскалывается – не могу даже лежать на подушке. И все никак не успокоюсь. Бедный Хитклиф! Хиндли называет его бродягой и больше не разрешает ему сидеть с нами, есть с нами. Говорит, что нам нельзя вместе играть, и грозит, что выгонит его из дому, коли тот нарушит запрет. Хиндли винит нашего батюшку (да как он смеет!) в том, что тот давал Х. слишком много воли, и клянется, что покажет Хитклифу, где его настоящее место...»

---

<sup>2</sup> Название взято из Послания к Ефесеянам святого апостола Павла, 6:17.

<sup>3</sup> Библейская аллюзия: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель...» (Евангелие от Матфея, 7:13).

Я начал клевать носом над едва различимой страницей – взгляд мой перемещался с рукописных вставок на печатный текст и обратно. Перед глазами возникло разукрашенное название книги, набранное красным шрифтом: «Седмижды семьдесят раз<sup>4</sup> и первый из семидесяти первых. Благочестивое слово, произнесенное преподобным Джейбсом Брандергемом в часовне Гиммерден-Саф». В полудреме ломая голову над тем, о чем таком мог Джейбс Брандергем поведать прихожанам, я в конце концов опустился на кровать и погрузился в сон. Увы, тому причиною были дурной чай и дурное расположение духа! Что еще могло заставить меня так ужасно провести ночь? Не припомню, чтобы хоть однажды мне довелось испытать подобное с тех пор, как я обрел способность страдать.

Сон охватил меня быстро, но я не сразу перестал осознавать, где нахожусь. Мне снилось, что уже наступило утро и я отправился домой, взяв в провозатые Джозефа. Снегу на дороге было по колено, и, пока мы пробирались через сугробы, мой товарищ то и дело упрекал меня, что я не взял с собою посох паломника, а без него мне ни за что не добраться до дома. При этом он хвастливо размахивал передо мною какою-то палкой с тяжелым набалдашником – это, как я понял, как раз и был тот самый посох. На мгновение мне подумалось, что нелепо брать столь мощное орудие, чтобы попасть в собственное жилище, но потом меня осенило: я иду вовсе не туда! Мы направляемся слушать знаменитую проповедь Джейбса Брандергема «Седмижды семьдесят раз», и кто-то из нас – то ли Джозеф, то ли проповедник, то ли я сам – совершил грех «первый из семидесяти первых», а посему нас должны выставить на всеобщее поругание и отлучить от церкви.

Мы подошли к часовне. Я и в самом деле дважды или трижды проходил мимо нее наяву, совершая прогулку. Она расположена в ложбине между двумя холмами, на небольшой возвышенности, окруженной торфяным болотом, и эта особая торфяная сырость, как говорят, способствует бальзамированию немногих тел, упокоившихся рядом, на погосте. Крыша часовни пока еще цела, но поскольку жалованье священника всего лишь двадцать фунтов в год, а дом с двумя комнатами, к вящему его опасению, может очень быстро превратиться в дом с одной, ни один слуга Господа не согласится исполнять здесь обязанности пастора. А уж тем более, когда, по слухам, прихожане скорее предоставят ему голодать, чем увеличат его содержание хотя бы на пенс из собственного кармана. И все же в моем сне в часовне собралось много народу, слушавшего Джейбса со вниманием, а он проповедовал – бог мой, что это была за речь! Она состояла из *четырёхсот девяноста* частей, и каждая вполне годилась для отдельной проповеди, где разбирался один-единственный грех. Откуда Джейбс взял столько грехов, сказать не берусь. Ему был присущ оригинальный способ толкования слова Божьего, и, похоже, его братья во Христе неизбежно грешили всякий раз по-новому. Грехи эти были весьма удивительны – странные проступки, о коих мне ранее слышать не приходилось.

Как же я истомился! Как ерзал, зевал, клевал носом и вновь просыпался! Как щипал себя и колот, тер глаза, вставал и снова садился, толкал Джозефа локтем, спрашивая, когда же все это кончится! Но я был приговорен выслушать проповедь до конца. Наконец мы дошли до «первого из семидесяти первых», и в этой напряженной ситуации на меня вдруг снизошло вдохновение. Что-то заставило меня встать и объявить грешником самого Джейбса Брандергема, причем виновным в грехе, коему ни одному христианину прощения не сыскать.

– Сэр, – воскликнул я, – сидя, как прикованный, здесь, в четырех стенах, я прослушал истории четырехсот девяноста несчастных и простил их! Седмижды семь раз я брался за шляпу и собирался уйти, и седмижды семь раз вы вопреки здравому смыслу заставляли меня снова

---

<sup>4</sup> Библейская аллюзия: «Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорил ему: не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз» (Евангелие от Матфея, 18, 21:22).

сесть на место. Но четыреста девяносто первый – это слишком! Сомученики мои, хватайте его! Тащите и рвите в клочки! И место его не будет уже знать его!<sup>5</sup>

– Ты – тот человек!<sup>6</sup> – после торжественной паузы воскликнул Джейбс, опершись о подушку на кафедре. – Седмижды семь раз ты в зевоте кривил лицо – седмижды семь раз я утешал себя мыслию: о, се есть слабость человеческая, и она достойна прощения! Однако вот он, первый из семидесяти первых. Братья, свершите над ним суд предначертанный! Чести сей удостоены все праведники Божии!

После такого напутствия прихожане, воздев свои посохи, всею толпою ринулись на меня, а я, не имея оружия для защиты, сцепился с Джозефом, ближайшим и самым неистовым из нападавших, надеясь отобрать посох у него. В суматохе скрестилось несколько дубинок, предназначавшиеся мне удары пали на головы других, и вскоре вся часовня наполнилась глухим деревянным стуком. Сосед тузил соседа, а Брандергем, не желая оставаться в стороне, изливал свое неистовство, осыпая доски кафедры градом ударов, отдававшихся так гулко, что, к моему невыразимому облегчению, мой сон прервался. Что же оказалось причиной столь ужасного грохота? Кто сыграл роль Джейбса в этой сумятице? Всего лишь еловая ветка, касавшаяся оконного переплета, да порывы ветра, заставившие сухие шишки стучать по раме! Какое-то мгновение я с сомнением присушивался, но потом понял, в чем дело, повернулся на другой бок и вновь задремал. На этот раз мне приснился сон еще менее приятный, чем предыдущий, если таковое возможно.

Теперь я помнил, что лежу в дубовом чуланчике, и отчетливо слышал завывание метели. Еловая ветка производила все тот же издевательский звук, но я уже знал его природу. Однако он вызывал у меня такое сильное раздражение, что я вознамерился по мере сил своих положить ему конец. Мне почудилось, что я встаю и пытаюсь открыть одну из оконных створок. Крючок был припаян к скобе – я заметил это, когда бодрствовал, однако после позабыл. «Все равно, я должен остановить этот звук!» – пробормотал я и, выдавив кулаком стекло, высунул наружу руку, силясь поймать докучную ветку, но вместо нее мои пальцы обхватили маленькую, холодную как лед ладошку. Непередаваемый ужас ночного кошмара объял меня. Я попытался отдернуть руку, но ладошка не отпускала, и я услышал чье-то стенание: «Впусти меня,пусти!» «Кто ты?» – спросил я, одновременно стараясь высвободиться. «Кэтрин Линтон, – дрожа, отвечивал призрак (почему вдруг Линтон? Фамилия «Эрншо» попадалась мне раз двадцать против одной «Линтон»). – Я заблудилась на вересковой пустоши. А теперь пришла домой». При этих словах я едва различил детское лицо, глядящее на меня в окошко. От ужаса во мне проснулась жестокость, и, поняв, что бесполезно пытаться вырвать у привидения свою руку, я подтянул ее запястье к раме и принялся водить взад-вперед по краю разбитого стекла, пока кровь не потекла и не промочила постель. Но существо все причитало: «Впусти меня!» и держало меня крепко. Я же почти обезумел от страха. «Как же мне тебя впустить? – наконец выговорил я. – Сначала ты отпусти меня, а потом уж я тебя впущу!» Цепкие пальцы разжались, я сразу убрал руку, загородил дыру пирамидой из книг и заткнул уши, чтобы не слышать жалобных завываний. Я не отрывал ладони от ушей, наверное, с четверть часа, но, когда вновь прислушался, до меня донесся все тот же заунывный плач. «Изыди! – вскричал я. – Ни за что тебя не впущу, проси хоть двадцать лет!» «Двадцать лет и прошло, – стонал голос. – Двадцать лет. Я скитаюсь уже двадцать лет!» Тут послышалось легкое царапанье, и стопка книг начала сдвигаться от окна в мою сторону. Я хотел вскочить, но не смог двинуть ни рукой, ни ногой и от ужаса завопил что есть мочи. В замешательстве я обнаружил, что кричу не во сне, а наяву. К моей комнате приблизились быстрые шаги, кто-то решительно толкнул дверь, и свет от свечи замерцал сквозь квадратные окошки над моею кроватью. Я все так и сидел, дрожа и вытирая

---

<sup>5</sup> См.: Книга Иова, 7:10.

<sup>6</sup> Вторая книга Царств, 12:7.

пот со лба. Вошедший, казалось, медлил и что-то бормотал про себя. Наконец он прошептал, причем явно не ожидая ответа:

– Кто здесь?

Я подумал, что лучше будет признаться, ибо узнал выговор Хитклифа и опасался, что он продолжит поиски, если я промолчу. С этим намерением я повернулся и раздвинул панели. Не скоро я забуду впечатление, произведенное этим действием.

Хитклиф стоял у двери в рубашке и штанах, свечной воск стекал по его пальцам, а лицо стало белее стены позади него. Первый же скрип дубовой панели заставил моего хозяина вздрогнуть как от электрического тока. Свеча выпала из его рук и отлетела на несколько футов, но он пребывал в таком волнении, что едва смог ее поднять.

– Здесь всего лишь ваш гость, сэ! – крикнул я, желая избавить его от унижения при дальнейшем проявлении столь очевидной трусости. – К несчастью, я закричал во сне, ибо мне приснился кошмар. Простите, что побеспокоил вас.

– Да будьте вы прокляты, мистер Локвуд! Убирайтесь к... – заговорил Хитклиф, ставя свечу на стул, потому что руки его тряслись. – Кто вас пустил в эту комнату? – продолжал он, изо всех сил сжав кулаки и заскрежетав зубами, чтобы унять судорожную дрожь. – Кто? Я сейчас же вышвырну негодяя из дому!

– Ваша служанка Зилла, – ответил я, затем вскочил и начал быстро одеваться. – Если вышвырнете, я не расстроюсь, мистер Хитклиф. Она, без сомнения, это заслужила. Полагаю, ей хотелось за мой счет получить еще одно доказательство, что дом посещают призраки. Что ж, и вправду посещают – он просто кишит привидениями и домовыми! И смею вас уверить, вы имеете все основания держать их под замком. Никто не скажет вам спасибо за ночлег в таком логове!

– Что вы хотите этим сказать? – проговорил Хитклиф. – И что вы делаете? Ложитесь и спите, раз уж оказались здесь. Но, ради всего святого, не кричите больше таким жутким голосом. Ну разве что кто-нибудь задумает перерезать вам горло!

– Если бы та маленькая чертовка пролезла в окно, она бы меня наверняка задушила! – ответил я. – Не собираюсь я терпеть преследования ваших гостеприимных предков. Не приходится ли вам преподобный Джеймс Брандгерм родней по материнской линии? Или эта шалунья Кэтрин Линтон, или Эрншо, или как там ее еще величают? Наверное, ее эльфы подкинули взамен украденного ребенка. Вот уж злодейка! Сказала мне, что целых двадцать лет бродит по округе – должно быть, такое наказание послано ей за грехи!

Только я произнес эти слова, как сразу вспомнил, что имя «Хитклиф» также встречалось в книге рядом с именем «Кэтрин», о чем я до этого момента и думать забыл. Покраснев от своей опрометчивости, но сделав вид, что не догадываюсь о нанесенном хозяину невольном оскорблении, я поспешил добавить:

– Дело в том, сэ, что первую половину ночи... – Тут я снова осекся. Хотел сказать, что пролистывал те старинные книги, но тогда это означало бы, что мне известно об их содержании – не только в печатном, но и в рукописном виде. Посему, исправившись, я продолжал: – Я бормотал имена, нацарапанные на подоконнике. Скучное занятие, призванное помочь уснуть, все равно что считать...

– Да как вы смее говорить подобное *мне*? – со свирепой яростью заорал Хитклиф. – Что... что вы себе позволяете *под моею крышей*? Боже, да он рехнулся! – И Хитклиф в бешенстве ударил себя ладонью по лбу.

Я не знал, обидеться или продолжить объяснения. Однако, казалось, мой хозяин был в таком смятении, что из жалости я решил рассказать ему про сон. Я уверил Хитклифа, что никогда раньше не слышал имени «Кэтрин Линтон», но поскольку прочел его несколько раз, оно врезалось мне в память, и, когда я уже был не властен над своим воображением, это имя приняло вид живого существа. Хитклиф меж тем отодвигался все глубже в тень от моей кро-

вати и наконец сел позади нее, почти невидимый. Но по неровному, прерывистому дыханию я догадался, что он пытается совладать с бурей охвативших его чувств. Не имея охоты показать ему, что слышу, как он борется с собою, я довольно шумно продолжал одеваться, затем поглядел на часы и сказал с удивлением, словно сам себе, что ночь выдалась на редкость долгая:

– Неужто еще только три часа?! Я мог бы поклясться, что сейчас шесть. Здесь время словно остановилось. Ведь мы точно разошлись по комнатам в восемь!

– Зимой мы всегда ложимся в девять. А встаем в четыре, – сказал мой хозяин, подавив стон и, как я заметил по тени от его руки, смахнув с глаз слезы. – Мистер Локвуд, – добавил он, – можете пойти ко мне в комнату. Иначе, если спуститесь вниз так рано, будете всем мешать. Да и ваши детские страхи и вопли прогнали весь мой сон к черту.

– Мой тоже, – ответил я. – Погуляю по двору до рассвета, а потом уйду, и вам не стоит опасаться моего следующего визита. Теперь я полностью излечился от поисков приятной компании как в деревне, так и в городе. Разумному человеку следует довольствоваться лишь собственным обществом.

– Да уж, славное общество! – проворчал Хитклиф. – Возьмите свечку и идите куда хотите. Я скоро к вам присоединюсь. Но во двор не ходите – собаки спущены, а в доме сторожит Юнона, так что можете прохаживаться только по лестнице и по коридорам. А теперь убирайтесь отсюда! Через две минуты я буду внизу!

Я подчинился, но лишь приказанию выйти из комнаты. Не зная, куда ведут узкие коридоры, я остановился за дверью и против собственной воли оказался свидетелем приверженности моего хозяина суевериям, что странным образом противоречило его несомненному здравому смыслу. Хитклиф уселся на кровати, с силой распахнул окошко и, даже не пытаясь сдержаться, залился слезами.

– Приди! Приди! – рыдал он. – Кэти, приди ко мне! Приди *еще раз!* О моя любовь! Услышь меня *сейчас*, Кэтрин! Услышь наконец!

Привидение капризничало, как и положено привидению. Оно не подавало знака. А вот метель билась и завывала так, что было слышно даже там, где стоял я, и пламя моей свечи потухло.

В горестном отчаянии Хитклифа было столько муки, что сострадание заставило меня позабыть о нелепости происходящего, и я отошел от двери, почти разозлившись, что слушал этот плач, и досадуя, что вообще поведал ему о своем глупом ночном кошмаре, раз он привел его к таким терзаниям. Однако *почему* Хитклиф так страдает, не поддавалось моему разумению. Осторожно спустился я вниз и оказался на кухне в дальнем конце дома, где сгреб тлеющие в очаге угли и зажег от них свечу. Все было тихо, и лишь серая полосатая кошка, вылезшая из кучи золы, приветствовала меня жалобным мяуканьем.

Вокруг очага стояли две скамьи полукруглой формы. На одну из них улегся я, на другую – старая кошка. Мы оба задремали, и поначалу никто не нарушал нашего уединения. Но вот по приставной деревянной лестнице, ведущей на крышу и исчезающей за люком в потолке, шаркая, спустился Джозеф – полагаю, вылез из своей чердачной каморки. Он бросил злобный взгляд на маленький огонек, что разгорелся благодаря мне за прутьями решетки, согнал кошку со скамейки и, усевшись на освободившееся место, принялся набивать табаком свою трехдюймовую трубку. Мое присутствие в его святая святых, очевидно, было воспринято им как редкостное нахальство – настолько бесстыдное, что он сделал вид, будто меня вообще нет на свете. Молча сунул трубку в рот, скрестил на груди руки и стал пускать кольца дыма. Я не мешал ему предаваться наслаждению. После последней затяжки, глубоко вздохнув, он поднялся и удалился с таким же величавым видом, с каким пришел.

Следом послышались более пружинистые шаги, и я открыл было рот, чтобы сказать «Доброе утро», но тут же закрыл его, не поздоровавшись, ибо появился Гэртон Эрншо, творивший

sotto voce<sup>7</sup> собственную молитву, которая состояла из череды проклятий, адресованных каждой вещи, что попадалась ему под руку. Он искал в углу лопату или совок, намереваясь расчистить дорожку от сугробов. Раздув ноздри, он заглянул за спинку моей скамьи и, как мне показалось, был готов обменяться со мной вежливыми приветствиями не более, чем с моей подружкой-кошкой. Судя по его приготовлениям, мне уже можно было отправиться домой, посему я встал со своего жесткого ложа и собрался последовать за ним. Однако, поняв мое намерение, он указал черенком лопаты на внутреннюю дверь и буркнул что-то нечленораздельное. Я догадался, что, если хочу покинуть кухню, идти следует туда.

Дверь эта вела в «дом», где уже собрались женщины. Зилла раздувала огромными мехами огонь в камине, а миссис Хитклиф склонилась к пламени и при его свете читала книгу. Рукою она прикрывала глаза от огня и, казалось, вся была поглощена чтением, отвлекаясь лишь на то, чтобы побранить прислугу, осыпавшую ее искрами, или чтобы время от времени оттолкнуть собаку, которая норовила сунуть свой нос ей в лицо. Я был удивлен, заметив там Хитклифа. Он стоял у огня ко мне спиной, грубо отчитывая бедняжку Зиллу, которая в ответ то и дело бросала свою работу, теребила уголок передника или издавала возмущенный стон.

– А ты, ты никчемная... – разразился он бранью по адресу невестки, когда я вошел, присовокупив ругательство, по сути, вполне безобидное, вроде «курицы» или «овцы», но на письме обычно обозначаемое многоточием. – Снова бездельничаешь? Все зарабатывают свой хлеб, ты одна живешь у меня из милости! Убери эту дрянь и займись делом. Ты заплатишь мне за несчастье вечно лицезреть тебя перед глазами. Слышишь ты, стерва проклятая?

– Я уберу эту дрянь, потому что, если откажусь, вы все равно заставите, – ответила миссис Хитклиф, закрыв книгу и бросив ее на стул. – Но делать буду только то, что мне заблагорассудится, даже если у вас от ругани язык отсохнет!

Хитклиф занес руку, и говорившая, по-видимому, не раз испытав на себе ее тяжесть, отскочила на безопасное расстояние. Не имея желанья наблюдать за дракой собаки с кошкой, я живо прошел вперед, словно всего лишь собирался погреться у очага и не заметил прерванной перепалки. У обоих участников хватило приличия приостановить дальнейший обмен любезностями. Хитклиф убрал кулаки в карманы, дабы избежать соблазна пустить их в ход, а миссис Хитклиф поджала губы и отошла подальше, к стулу, где, сдержав слово, все время стояла, словно статуя, пока я оставался в доме. Продолжалось это недолго. Завтракать с ними я отказался и при первых же лучах солнца выбрался на свежий воздух – чистый, недвижимый и морозный, словно неосязаемый лед.

Мой хозяин окликнул меня, когда я дошел до конца сада, и предложил быть моим провожатым по вересковой пустоши. И хорошо, что предложил, потому что по всему холму пролегли белые океанские волны, причем их подъемы и впадины совсем не соответствовали рельефу местности. Во всяком случае, многие ямы оказались заполнены снегом доверху, а длинные насыпи, образованные пустой породой карьеров, стерлись из картины, сохраненной моей памятью после вчерашнего путешествия. На одной стороне дороги я еще тогда заприметил тянувшийся через всю пустошь ряд каменных столбов в шести-семи шагах друг от друга. Их установили и покрасили известью специально, чтобы они служили путеводными вехами в темноте или же когда метель, как в этот раз, сровняет тропинку с глубокой трясиной по обе ее стороны. Однако если не считать черных точек, выступавших над настом то тут, то там, все следы камней исчезли, и моему спутнику приходилось частенько направлять меня правее или левее, хотя мне казалось, что я строго держусь выощейся по пустоши дорожки.

Мы почти не разговаривали. При входе в парк поместья «Дрозды» Хитклиф остановился, сказав, что теперь я точно не заблужусь. При прощании мы ограничились быстрым кивком, и я побрел вперед, рассчитывая лишь на собственные возможности, поскольку домик приврат-

---

<sup>7</sup> Вполголоса (*um.*).

ника до сих пор стоит необитаем. От ворот до дома идти мили две, но, по-моему, я проделал все четыре, если учесть, что заплутал в одной из рощиц, а потом провалился по шею в снег – столь неприятные ситуации способен оценить лишь тот, кто сам пережил нечто подобное. Но, сколько бы я ни блуждал, в конце концов все-таки объявился на пороге дома, как раз когда часы били полдень. Это означало, что на каждую милю обычного пути от «Грозового перевала» до моего жилища пришелся целый час. Ключница со всей прислугой бросились мне навстречу, наперебой восклицая, что уж и не чаяли увидеть меня живым. Они решили, что прошлой ночью я погиб, и раздумывали, как организовать поиски моих останков. Я попросил их успокоиться, раз они видят, что я вернулся, и, поскольку продрог до самых костей, потащился к себе наверх. Там, надев сухое платье, я минут тридцать или сорок ходил взад-вперед по комнате, пытаюсь согреться. И вот теперь сижу в кабинете, слабый, как котенок, – сил у меня почти не осталось, чтобы наслаждаться веселым огнем камина и дымящимся кофе, приготовленным прислугой для подкрепления моих сил.

## Глава 4

Сколь же наш брат подобен суетному флюгеру! Я, исполненный решимости держаться подальше от любого общения и благодарный судьбе за то, что наконец очутился в таком месте, где оно стало почти невозможным, – я, несчастный, слабый человек, до сумерек боролся с собственным унынием и заброшенностью, но был вынужден наконец сдаться. Под предлогом получения необходимых сведений о важных подробностях моего здешнего житья я попросил миссис Дин, явившуюся ко мне с ужином, присесть со мною, искренне надеясь, что, пока я ем, она, как любая ключница, склонная посплетничать, либо пробудит во мне живой интерес к происходящему, либо убаюкает своим рассказом.

– Вы прожили здесь довольно долго, – начал я. – Кажется, вы говорили, шестнадцать лет?

– Восемнадцать, сэр. Я пришла в этот дом прислуживать хозяйке, когда она вышла замуж.

А после ее смерти хозяин оставил меня ключницей.

– Ах вот как!

Повисла пауза. К сожалению, миссис Дин не была склонна к сплетням. Ну разве что могла поболтать о своих делах, которые меня мало интересовали. Положив руки на колени, она погрузилась в раздумья, и на ее румяное лицо пала тень.

– Да, времена изменились, – проговорила она.

– Верно, – отозвался я. – Вам полагаю, довелось быть свидетельницей многих перемен?

– Довелось. Не только перемен, но и бед.

«Ага! – подумал я. – Переведу-ка я разговор на семейство моего хозяина. Подходящая тема для начала беседы – к примеру, эта хорошенькая девочка-вдова; мне бы хотелось узнать ее историю: из этих ли она мест или, что более вероятно, явилась из других краев? А тот обтрепанный грубиян, видно, не желает признавать в ней родственницу». С этим намерением я спросил миссис Дин, почему Хитклиф сдает поместье «Дрозды» и предпочитает жить в доме куда более скромном.

– Он недостаточно состоятелен, чтобы содержать поместье в должном порядке?

– Недостаточно состоятелен, сэр? – повторила она. – У него бог знает сколько денег, и с каждым годом его состояние увеличивается. Да, да, у него достанет денег, чтобы жить в доме гораздо лучше этого. Но хозяин рядом, в двух шагах. Может, он и подумывал перебраться в «Дрозды», однако, когда узнал, что появился хороший арендатор, не смог отказаться от возможности получить еще несколько сотен фунтов. Странно, что люди, у которых нет никого на свете, так жадничают!

– Но, кажется, у него был сын?

– Да. Сын умер.

– А молодая леди миссис Хитклиф – это его вдова?

– Да.

– Откуда она родом?

– Она дочь моего покойного хозяина, сэр. В девичестве Кэтрин Линтон. Я нянчила ее, бедняжку. Как бы мне хотелось, чтобы мистер Хитклиф переехал сюда и мы снова были вместе!

– Как? Кэтрин Линтон? – пораженный, вскричал я. Но, задумавшись на мгновение, осознал, что эта другая Кэтрин Линтон, не та, что являлась мне. – Значит, – продолжал я, – того, кто жил здесь до меня, звали Линтон?

– Да.

– А кто этот Эрншо... Гэртон Эрншо, который живет с мистером Хитклифом? Они родственники?

– Нет. Он племянник покойной миссис Линтон.

– То есть кузен молодой хозяйки?

– Да. Ее муж тоже приходился ей кузеном: один был со стороны матери, другой – со стороны отца. Хитклиф женился на сестре мистера Линтона.

– Я видел фамилию Эрншо, вырезанную над входной дверью дома в «Грозовом перевале». Их семья давно живет в этих краях?

– Очень давно, сэр. Гэртон – последний в роду, как и мисс Кэти в нашем, то есть в роду Линтонов. Вы были в «Грозовом перевале»? Простите, что спрашиваю, но мне хочется услышать, как она поживает.

– Миссис Хитклиф? Она показалась мне вполне здоровой и очень красивой, но, видно, не слишком счастливой.

– Ничего удивительного! А что скажете о хозяине?

– Грубый господин, и весьма. Я прав?

– Грубый, как наждак, и твердый, как камень! Чем меньше вы с ним станете водиться, тем лучше.

– Должно быть, жизнь его не баловала, раз он стал таким твердокаменным. Вы о нем что-нибудь знаете?

– Его жизнь – это жизнь кукушонка, сэр. Я все про него знаю, кроме того, где он родился, кто его родители и откуда взялись его первые деньги. А Гэртона он вышвырнул из гнезда, точно неоперившегося птенца! Бедный парень – единственный во всем приходе не догадывается, как его обманули.

– Ну, миссис Дин, вы совершите благое дело, если расскажете мне что-нибудь о моих соседях. Чувствую, не уснуть мне теперь, так что будьте милостивы, посидите со мной часок и расскажите, что вам известно.

– Непременно, сэр! Только захвачу шитье и посижу сколько вашей душе угодно. Но вы простыли – я видела, как вы дрожали. Надобно поесть немного овсянки, чтобы выгнать болезнь.

И добрая женщина поспешила на кухню, а я подвинулся ближе к огню. Голова моя горела, а тело бил озноб. Более того, я чувствовал какое-то глупое возбуждение, охватившее мое сознание и нервы. Не то чтобы мне было не по себе, но я боялся (и до сих пор боюсь) серьезных последствий произошедшего со мною вчера и сегодня. Миссис Дин вскоре вернулась, принеся с собою дымящуюся тарелку с кашей и корзинку с шитьем. Она поставила тарелку на полочку в камине, чтобы каша не остывала, и уселась поудобнее, явно радуясь, что я оказался таким общительным.

– Прежде чем я переехала сюда, – заговорила она, не дожидаясь нового приглашения начать рассказ, – я почти все время жила в «Грозовом перевале», потому как моя мать нянчила мистера Хиндли Эрншо (отца Гэртона), и я привыкла играть с хозяйскими детьми. Еще я выполняла разные поручения, – помогала на сенокосе, да и на ферме всегда была на подхвате. Однажды ясным летним утром – помню, как раз наступило время жатвы – мистер Эрншо, старый хозяин, спустился вниз, одетый по-дорожному. Отдав распоряжения Джозефу на день, он повернулся к Хиндли, Кэти и ко мне тоже – ибо я сидела за столом вместе с ними и ела овсянку – и сказал, обращаясь к сыну: «Ну, мой красавец, я сегодня отправляюсь в Ливерпуль. Что тебе принести? Выбирай, что твоей душе угодно. Только небольшое, потому что я иду пешком туда и обратно, а шестьдесят миль в одну сторону – путь неблизкий!» Хиндли выбрал скрипочку. Тогда хозяин спросил у мисс Кэти, а ей в ту пору еще и шести не было, однако ж она могла скакать на любой лошади из конюшни и попросила хлыстик. Обо мне он тоже не забыл, ибо был человеком добросердечным, хоть иногда и довольно суровым. Мне он обещал принести полный карман груш и яблок. Поцеловав детей, хозяин отправился в дорогу.

Для всех нас время тянулось долго – те три дня, что он отсутствовал, – и маленькая Кэти часто спрашивала, когда же воротится отец. Миссис Эрншо ожидала мужа к вечеру третьего

дня и каждый час откладывала ужин. Однако мистер Эрншо все не шел, и дети уже устали бегать к воротам и смотреть на дорогу. Стемнело, хозяйка хотела уложить их спать, но они умоляли позволить им остаться, и вот около одиннадцати часов тихонько поднялся дверной засов, и на пороге появился хозяин. Он рухнул на стул, смеясь и охая, и велел не кидаться к нему с объятиями, потому что он еле жив. Ни за какие полцарства он больше не соберется в такое путешествие!

– Да еще чтоб под конец меня чуть не до смерти исколошматили! – сказал он, развернув плащ, который держал в руках. – Смотри, жена! Меня сроду так никто не пинал. Но ты должна принять его как дар Божий, хоть он такой черный, что больше похож на порождение дьявола.

Мы столпились вокруг, и из-за плеча мисс Кэти я разглядела одетого в лохмотья грязного черноволосого мальчишку. Судя по его возрасту, он, должно быть, умел ходить и говорить. И лицо его казалось более взрослым, чем у Кэти, но, когда мальчика поставили на ноги, он только озирался по сторонам и нес какую-то тарабарщину, которую никто не смог разобрать. Мне стало страшно, а миссис Эрншо уже готова была вышвырнуть его за дверь. Она не на шутку рассердилась и спросила хозяина, как его угораздило притащить в дом цыганенка, когда у них есть собственные дети, которых надобно кормить и растить. Что он думает с ним делать? Может, он обезумел? Хозяин попытался оправдаться, но и впрямь был полуживой от усталости, поэтому, слушая их препирания, я поняла лишь, что он увидел на улице этого голодного, бездомного мальчишку, все равно что немного, подобрал и хотел найти его хозяина или родителей. Но, как сказал мистер Эрншо, ни одна живая душа не знала, откуда он взялся. Времени и денег у хозяина уже оставалось в обрез, и он решил, что лучше будет принести дитё домой, чем затевать бессмысленные поиски и тратить деньги в Ливерпуле, ибо рука у него не поднималась оставить мальчишку там, где он его подобрал. В конце концов хозяйка, поворчав, успокоилась, а мистер Эрншо велел мне вымыть найденыша, одеть в чистое и уложить спать вместе с другими детьми.

Хиндли и Кэти тихонько смотрели и слушали, однако, когда в доме воцарился мир, они принялись исследовать карманы отца – искать обещанные подарки. Хиндли было четырнадцать, но, вытащив из отцовского кармана то, что осталось от скрипки, – одни ломаные деревянные, – он зарыдал во весь голос. Кэти же, узнав, что, возясь с найденышем, отец потерял ее хлыстик, тоже проявила характер – оскалила зубы и плюнула на противного мальчишку, за что получила от отца хорошую затрещину, призванную научить ее приличным манерам. Оба наотрез отказались спать с найденышем в одной постели и даже в одной комнате, ну а мне ничего другого не пришло в голову, кроме как уложить его на лестничной площадке в надежде, что, может, наутро он и сам куда-нибудь денется. Случайно, а может, привлеченный звуком хозяйского голоса мальчишка подполз к двери мистера Эрншо, где, выйдя из комнаты, его и обнаружил хозяин. Стали выяснять, как ребенок там очутился, и мне пришлось сознаться в своем проступке. В наказание за мою трусость и жестокость меня прогнали из хозяйского дома.

Вот как Хитклиф появился в семье Эрншо. Через несколько дней я вернулась (ибо я не считала, что изгнана навечно) и узнала, что мальчика нарекли Хитклифом. Так звали хозяйского сына, умершего во младенчестве, и с тех пор это имя служит ему также и фамилией. Мисс Кэти и найденыш теперь сдружились, но Хиндли его ненавидел, и, правду сказать, я тоже. К стыду своему, признаюсь, что мы дразнили и обижали его, ибо не было во мне тогда достаточно разума, чтобы понять, как это несправедливо, а хозяйка, увидев, что мы ведем себя с ним дурно, никогда его не защищала.

Он казался мне угрюмым, терпеливым ребенком, вероятно, привыкшим к плохому обращению. Он сносил побои Хиндли, не поморщившись и не проронив ни слезинки, а когда я его щипала, только втягивал носом воздух и шире открывал глаза, будто случайно сам себе сделал больно и винить тут некого. Старый Эрншо приходил в ярость, если узнавал, что приходится терпеть парнишке от его собственного сына, который не дает жить «бедному сироте»,

как хозяин называл приемыша. Удивительно, до чего мистер Эрншо привязался к Хитклифу и верил всему, что тот говорил (хотя говорил он на редкость мало и обычно сущую правду), и мальчик стал его любимчиком даже больше, чем Кэти, которая росла чересчур шаловливой и строптивой.

Так, с самого начала Хитклиф принес в дом разлад, а после смерти миссис Эрншо, последовавшей менее двух лет спустя, Хиндли стал видеть в родном отце не друга, а деспота. Хитклиф же был для молодого хозяина самозванцем, укравшим у него отцовскую любовь и положенные привилегии. Лелея свои обиды, он все более проникался злобою к тому, кто был их причиною. Некоторое время я сочувствовала Хиндли, но, когда все дети заболели корью и мне пришлось за ними ухаживать, в одночасье взяв на себя обязанности взрослой женщины, я свое мнение переменяла. Хитклиф болел тяжело, и когда ему было совсем худо, он все просил, чтобы я сидела рядом. Видно, он чувствовал, что я многое для него делаю, но не догадывался, что делаю я это не по своей воле. Однако должна сказать вам вот что: ни у одной сиделки никогда еще не было такого тихого подопечного. Это его отличие от двух других детей научило меня быть к нему менее предвзятой. И Кэти, и ее братец изводили меня ужасно, Хитклиф же лежал безропотно, как агнец, хотя то было следствием не столько мягкости, сколько твердости его характера.

Мальчик выкарабкался. Доктор подтвердил, что встал он на ноги во многом благодаря мне, и похвалил за труды. Я ужасно возгордилась и стала лучше относиться к человеку, за чей счет услышала от доктора столь лестные слова, и Хиндли, стало быть, лишился своего последнего союзника. Только вот я не смогла полюбить Хитклифа и часто задумывалась, что же нашел хозяин в этом угрюмом ребенке, который никогда, насколько я могла судить, не отвечал благодарностью на оказанную ему милость. Не скажу, что Хитклиф проявлял дерзость к своему благодетелю, просто он был бесчувствен, хотя знал прекрасно, какую имеет власть над сердцем мистера Эрншо: стоило мальчишке слово сказать, и все в доме подчинялись его желаниям. Помню случай, когда хозяин купил на ярмарке двух жеребят и подарил их парнишкам. Хитклиф взял себе того, что покрасивее, но жеребенок вскоре охромел. Заметив это, Хитклиф сказал Хиндли:

– Давай поменяемся конями. Мне мой не нравится. А коли откажешься, расскажу твоему отцу, как ты на этой неделе трижды меня избил, и руку покажу, всю черную от синяков до самого плеча.

Хиндли показал ему язык и оттаскал за ухо.

– Лучше поторопись! – упрямо настаивал Хитклиф, отскочив к навесу (они были на конюшне). – Все равно придется. А когда я расскажу про те три раза, то ты получишь от отца столько же затрещин и еще парочку в придачу!

– Пошел вон, собака! – закричал Хиндли, замахнувшись чугунной гирей для взвешивания картошки и сена.

– Ну, кидай! – отвечал Хитклиф, не двигаясь с места. – Тогда я скажу, как ты хвастался, что выгонишь меня из дому, как только отец помрет, и поглядим, не вышвырнет ли он тут же тебя самого.

Хиндли метнул гирю и попал мальчику в грудь. Тот упал, но сразу поднялся – весь белый, покачиваясь и еле дыша. И если бы я не помешала, он непременно пошел бы к хозяину и добился отмщения, потому что его состояние говорило само за себя, стоило ему только назвать виновного.

– Ладно, забирай моего жеребенка, цыган! – сказал молодой Эрншо. – А я буду молиться, чтоб ты на нем себе шею сломал. Забирай и иди к черту, нищий самозванец! Вытяни из отца все, что у него есть, только потом покажи ему, каков ты на самом деле, черт рогатый! Бери моего коня! Пусть он тебе мозги копытами вышибет!

Хитлиф отвязал жеребенка и повел к себе в стойло. Он как раз проходил мимо Хиндли, который, перестав ругаться, пнул его из-под конских ног и, не останавливаясь, чтобы проверить, исполнилось ли его пожелание, во весь дух помчался со двора.

Меня поразило, с каким хладнокровием Хитклиф собрался с силами и продолжил начатое: поменял седла и все прочее, сел на кучу сена, чтобы унять приступ дурноты от сильного удара, и только потом пошел в дом. Недолго пришлось мне его уговаривать, чтобы он согласился переложить вину за свои синяки на жеребенка. Парню было безразлично, какую историю я сочиню, раз он получил, что хотел. Правду сказать, он так редко жаловался на подобные стычки, что я считала его совсем незлопамятным. Впрочем, вы увидите из дальнейшего, как сильно я обманулась.

## Глава 5

Время шло, и мистер Эрншо начал сдавать. Раньше он всегда был здоров и деятелен, но силы быстро оставляли его, и, когда ему пришлось целыми днями сидеть в углу у камина, он, как это ни прискорбно, стал на редкость раздражительным. Ему досаждали сущие пустяки, а подозрение в неуважении вызывало чуть ли не истерику. Особенно это проявлялось, если кто-нибудь пытался командовать его любимчиком или помыкать им. Он ревниво следил, чтобы Хитклифу никто не сказал дурного слова, ибо, похоже, вбил себе в голову, будто все ненавидят мальчишку и желают ему зла, только потому, что сам он его так любит. Ничего хорошего это парню не принесло, ведь, по доброте душевной, мы, не желая волновать хозяина, потакали его пристрастиям, а на столь благодатной почве выросли тщеславие и злонравие ребенка. Дважды или трижды Хиндли в присутствии отца выказывал презрение к приемышу, отчего старик впадал в ярость – хватал палку, замахивался, а потом трясся в иступлении, ибо ударить не хватало сил.

Наконец наш викарий (в то время у нас был викарий, который, имея скромные доходы, обучал грамоте детей Линтонов и Эрншо и сам возделывал свой клочок земли) посоветовал послать молодого хозяина в колледж. Мистер Эрншо согласился, хоть и без особого воодушевления, сказав: «Хиндли – никчемный парень, он нигде не преуспеет, куда бы ни подался».

Я же от всего сердца надеялась, что теперь у нас в доме наступит мир. Тяжело было видеть, как хозяин страдает, совершив благое дело. Мне чудилось, что его болезнь и стариковская раздражительность проистекали из разлада в семье, да и ему тоже хотелось бы, чтобы это было так. Но на самом деле, сэр, виной всему было его убывающее здоровье. И все же мы могли бы жить вполне сносно, несмотря ни на что, когда бы не двое – мисс Кэти и слуга Джозеф. Полагаю, вы его там видели. Он всегда был и, пожалуй, до сих пор остается зануднейшим, лицемерным фарисеем, который копается в Библии, дабы выуживать для себя добрые пророчества, а на других насылать проклятия. Но своим умением читать мораль и рассуждать о божественном он исхитрился произвести на мистера Эрншо большое впечатление, и чем слабее становился хозяин, тем больше власти над ним брал Джозеф. Он неустанно вел с мистером Эрншо душеспасительные беседы, твердил, что детей надлежит держать в строгости, потворствовал его мнению, что Хиндли – подлый негодяй, и каждый вечер, ворча, плел одну за другой истории, где чернил Хитклифа и Кэтрин. При этом он всегда потакал слабостям мистера Эрншо, а груз вины возлагал в основном на его дочку.

Спору нет, такого поведения, как у Кэтрин, я у других детей не видывала, она всех нас выводила из себя по пятьдесят раз на дню, а то и чаще. С того часа, как она спускалась утром из спальни, до часа, когда отправлялась в постель, не было ни единой минуты, чтобы она не озорничала. Кэти вечно бедокурила, рот у ней не закрывался – она то пела, то хохотала, то донимала всех, кто не хотел веселиться с нею вместе. Непослушная и своенравная девчонка, но у нее были такие ясные глазки, такая ласковая улыбка и самая легкая походка во всей округе! Да, в общем-то, она зла никому не желала. Если вам случалось хоть раз расплакаться из-за нее по-настоящему, она тут же принималась плакать за компанию, и вам приходилось забывать про свои слезы и утешать ее. Она была очень привязана к Хитклифу. Самое суровое наказание, какое мы смогли придумать, – это не давать им вместе играть. Но ее и ругали за Хитклифа больше, чем любого из нас. В играх она ужасно любила вести себя, как маленькая хозяйка, распускать руки и отдавать приказы своим товарищам. Она попробовала такое со мной, однако ж я не собиралась терпеть ее властных замашек и рукоприкладства и дала ей это ясно понять.

Ну а мистер Эрншо не понимал детских шуток. Он всегда был с ребятами строг и серьезен, а Кэтрин, в свою очередь, никак не могла взять в толк, отчего отец, захворав, стал еще более нетерпимым и раздражительным, чем раньше, когда был в расцвете сил. Сварливые заме-

чания папаши пробуждали в ней желание его дразнить просто из вредности. Как же ей нравилось, когда мы все вместе принимались ее отчитывать, а она никого не желала слушать и с вызовом нам дерзила. Она высмеивала богобоязненные проклятия Джозефа, подтрунивала надо мною и делала ровно то, что отец ненавидел более всего, – показывала ему, что ее притворное высокомерие, которое он воспринимал всерьез, имеет над Хитклифом больше власти, чем отцовская доброта. Будто мальчик во всем ее слушается, а приемного отца послушается, если это совпадет с его собственным желанием! Целый день ведя себя так дурно, она вечером, бывало, приходила, ластясь, к отцу, желая помириться. «Нет, Кэти, – говорил старик, – не могу я тебя любить, ты еще хуже своего братца. Ступай, дитя, помолись и попроси у Бога прощения. Кажется, нам с матерью впору покаяться, что взрастили такого ребенка!» Поначалу от подобных слов Кэти плакала, но постепенно отцовское отторжение сделало и саму ее черствой, и, когда я говорила, что ей надобно признать свою вину и попросить прощения за свои проступки, она лишь смеялась.

Но однажды пришел час, который прекратил земные печали мистера Эрншо. Он умер октябрьским вечером, тихо сидя в кресле у камина. Сильный ветер выл за окном и гудел в трубе. Казалось, он буйствует, предвещая бурю, но холодно не было, и все домочадцы собрались вместе: я устроилась чуть поодаль от огня с вязаньем в руках, Джозеф за столом читал Библию (в те годы слуги после работы обычно сживали в гостиной вместе с хозяевами); мисс Кэти нездоровилось, поэтому она вела себя смирно. Она прижалась к ногам отца, а Хитклиф лежал на полу, положив голову ей на колени. Помню, как хозяин, прежде чем впасть в забытие, гладил ее прекрасные волосы – редко ему выпадала радость видеть дочь такой спокойной, – а потом сказал:

– Почему ты не можешь всегда быть послушной девочкой, Кэти?

Тогда она подняла к нему голову и со смехом спросила:

– А почему ты не можешь всегда быть хорошим человеком, папа?

Но, заметив, что он снова помрачнел, поцеловала отцу руку и сказала, что споет ему песенку, чтобы он быстрее уснул. Она запела очень тихо, и скоро его пальцы выскользнули из ее руки, а голова упала на грудь. Я попросила Кэти замолчать и не шевелиться, дабы не разбудить мистера Эрншо. Мы сидели тихо, как мыши, с добрых полчаса, и просидели бы еще дольше, если бы Джозеф, закончив читать главу, не поднялся с намерением разбудить хозяина для молитвы на ночь. Джозеф подошел и, дотронувшись до плеча мистера Эрншо, позвал его. Но хозяин не двинулся, тогда Джозеф поднес к его лицу свечку и пригляделся. Я сразу поняла, что дело неладно, когда он поставил свечку и, взяв обоих детей за руки, шепотом велел им ступать вверх, не шуметь и сегодня вечером молиться одним – ему надо кое-что сделать.

– Сначала я пожелаю папе спокойной ночи, – заявила Кэтрин и, прежде чем мы успели ее остановить, обхватила отца за шею. Бедняжка сразу поняла, что лишилась родителя, и закричала: – Ой, он умер! Хитклиф, он умер!

И оба они так безудержно зарыдали, что сердце у меня разрывалось их слушать.

Я тоже заплакала, горько и громко, но Джозеф спросил, с чего это мы так ревом над святым, который теперь в раю. Мне он велел надеть теплую накидку и бежать в Гиммертон за доктором и приходским священником. Я не понимала, какой прок сейчас от них обоих, однако отправилась туда, несмотря на ветер и дождь, и даже привела с собою одного из них – доктора. Пастор сказал, что явится утром. Оставив Джозефа объяснять доктору, что произошло, я побежала в детскую. Дверь была открыта. Дети, как я поняла, не ложились, хотя уже было за полночь, но они стали спокойнее, и мне не понадобилось их утешать. Они сами утешали друг друга такими словами, которые я бы никогда не придумала. Ни один священник в мире не изобразил бы рай небесный лучше, чем эти двое в своем невинном разговоре. Я же слушала, всхлипывая и мечтая, чтобы когда-нибудь мы все очутились на небесах.

## Глава 6

Мистер Хиндли приехал домой на похороны и, что поразило нас и вызвало пересуды всех окрестных соседей, привез с собой молодую жену. Кто она такая и откуда родом, он нам так и не сообщил. Скорее всего, она не могла похвастаться ни именем, ни состоянием, иначе он вряд ли скрывал бы свою женитьбу от отца.

Эта женщина не собиралась нарушать в доме покой. Как только она переступила наш порог, ей все пришлось по сердцу: и окружавшие ее вещи, и все наши порядки, кроме разве что приготовлений к похоронам и присутствия скорбящих. В этом вопросе она показала мне глуповатой. Убежала в свою комнату, причем велела ее сопровождать, хотя мне следовало одевать детей. Там уселась, дрожа и сжимая руки, и без конца спрашивала: «Они уже ушли?» Потом стала в истерике описывать, какое жуткое впечатление на нее производит черный цвет, вздрагивала, тряслась и в конце концов расплакалась. Когда же я спросила, с чего это она, отвечала, что не знает наверное, просто очень боится смерти. По моему разумению, смерть в ту пору ей грозила не больше, чем мне. Худенькая – это правда, но молодая, цвет лица здоровый, да и глазки сияли, как бриллианты. Хотя я заметила, что, когда она поднималась по лестнице, у нее случалась одышка, от внезапного шума она вся трепетала и временами мучительно кашляла. Но я не имела ни малейшего представления о том, что такие признаки могли предвещать, и потому сочувствия к ней не испытывала. Мы тут вообще не жалуем чужаков, мистер Локвуд, коли они сами первые не проявят к нам симпатии.

За три года отсутствия молодой Эрншо очень изменился. Он похудел, побледнел, говорил и одевался совсем не так, как раньше. В первый же день своего возвращения он распорядился, чтобы мы с Джозефом теперь сидели на кухне, а в «доме» расположится он сам. Надобно сказать, что он собирался застелить ковром и оклеить обоями маленькую нежилиую комнату, превратив ее в гостиную, но его жене так понравились белые плиты пола и огромный, весело горящий камин, оловянные блюда и горка с голландским фаянсом, место для собак и, вообще, все просторное помещение «дома», где они проводили время, что молодой Эрншо решил, что для удобства жены не стоит ничего переделывать, и отказался от своих намерений.

Еще ей было приятно среди прочих новых знакомств обрести золовку. И поначалу они вдвоем без конца о чем-то щебетали, миссис Эрншо целовала Кэтрин, возилась с нею и засыпала подарками. Но очень быстро ее привязанность поутихла, она принялась капризничать, а Хиндли превратился в самого что ни на есть деспота. Стоило жене выказать свое неудовольствие Хитклифом хотя бы в нескольких словах, как в Хиндли вскипала старая ненависть к мальчику. Молодой хозяин изгнал его к слугам, лишил уроков, что давал детям викарий, и заставил его вместо учебы трудиться на ферме наравне с другими работниками.

Сначала Хитклиф держался молодцом, потому что Кэти сама учила его всему тому, что узнавала на уроках, работала или играла вместе с ним в поле. Оба они обещали вырасти настоящими дикарями, ибо молодого хозяина вовсе не интересовало, как они себя ведут и чем занимаются, ну и они держались от него подальше. Он даже не следил, посещают ли дети церковь по воскресеньям, и только Джозеф да викарий порицали его за небрежение, когда детей не обнаруживалось среди прихожан. В таких случаях Хиндли приказывал выпороть Хитклифа, а Кэтрин лишит обеда или ужина. Но больше всего ребята любили убежать с утра на вересковую пустошь и болтаться там целый день; над грозящим им наказанием они просто смеялись. Викарий мог задавать Кэтрин выучить наизусть столько глав, сколько душе его было угодно, а Джозеф мог пороть Хитклифа, пока рука не заболит, – все забывалось, стоило детям снова оказаться вместе, особенно если они задумывали какую-нибудь шалость или месть. И частенько вдали от посторонних глаз я плакала, видя, как с каждым божьим днем они становятся все отчаяннее, а я не осмеливалась ни полсловечка сказать, ибо боялась, что совсем потеряю то

малое влияние, что еще имела на этих никому не нужных детей. Однажды воскресным вечером их выставили из гостиной за шумное поведение или за какой-то другой несерьезный проступок вроде этого, и, когда я пошла звать ребят к ужину, мне нигде не удалось их найти. Мы осмотрели весь дом – сперва наверху и внизу, потом двор и конюшню. Никого. В конце концов Хиндли в ярости велел нам запереть дверь и поклялся, что этой ночью они в дом не войдут. Все пошли спать, но я слишком волновалась, чтобы лечь в постель. Вместо этого я открыла окно в своей комнате и, хотя шел дождь, выглянула наружу – вдруг увижу. Я твердо решила, что, несмотря на запрет, впущу их, если появятся. Через некоторое время до меня донеслись шаги – кто-то шел по дороге, и сквозь ворота замерцал огонек. Накинув на голову шаль, я побежала к двери, чтобы они не разбудили стуком мистера Эрншо. Передо мною стоял Хитклиф. Один. Я даже вздрогнула, когда увидела его без Кэтрин.

– Где мисс Кэтрин? – тут же воскликнула я. – Надеюсь, с ней ничего не случилось?

– Она в поместье «Дрозды», – ответил мальчик. – Я бы тоже сейчас там был, но эти невоспитанные люди не догадались предложить мне остаться.

– Ну и попадет же тебе на орехи! – сказала я. – Ты не успокоишься, пока не выполнишь задуманное. Зачем, бог ты мой, вы отправились в «Дрозды»?

– Дай мне сперва снять мокрую одежду, Нелли, а потом я тебе все расскажу, – ответил он.

Я предупредила, чтобы он не разбудил хозяина, и, пока Хитклиф переодевался, а я ждала, чтобы задуть свечу, он рассказывал:

– Мы с Кэти удрали через прачечную, чтобы побродить на свободе. А когда увидели огоньки в поместье, решили пойти посмотреть, как младшие Линтоны проводят воскресные вечера. Может, тоже стоят, дрожа, в углу, пока их отец и мать сидят за столом, едят и пьют, поют и смеются, а огонь в камине такой жаркий, что больно глазам? Думаешь, так? А может, они читают проповеди или какой-то слуга наставляет их на путь истинный и требует затвердить длинный список библейских имен, если они дали ему неправильный ответ?

– Думаю, нет, – сказала я. – Они, без сомнения, хорошие дети и не заслуживают, как вы, наказаний за плохое поведение.

– Не будь ханжой, Нелли, – продолжал он. – Ерунда все это! Мы без остановки бежали от «Перевала» до парка «Дроздов», и Кэтрин совсем искромсала себе ноги, потому что была босиком. Тебе придется завтра поискать ее башмаки на пустоши. Мы пролезли через сломанную живую изгородь, почти на ощупь пробрались по дорожке к дому и остановились на клумбе под окном гостиной. Свет-то шел оттуда. Ставни хозяева не закрыли, а шторы были спущены только наполовину. Мы оба смогли заглянуть внутрь, потому что забрались на выступ цоколя и ухватились за карниз. И знаешь, какую красоту мы увидели? Роскошную комнату с малиновым ковром, малиновой обивкой на стульях и малиновыми скатертями на столах. По ослепительно-белому потолку шла золотая каемка, в центре на серебряных цепях свисали стеклышки, похожие на капли дождя, а среди них мерцали приглушенным светом маленькие свечки. Старших Линтонов мы там не заметили, вся гостиная была в распоряжении Эдгара и его сестры. Разве не следовало им наслаждаться таким счастьем? Мы бы с Кэти решили, что попали прямиком в рай небесный! А теперь скажи, что, по-твоему, делали эти «хорошие дети». Изабелла – ей, кажется, одиннадцать, она на год младше Кэти – валялась на полу в дальнем конце комнаты и вопила, повизгивая время от времени, будто ведьмы втыкали в нее раскаленные иглы. Эдгар стоял у камина и беззвучно лил слезы. А посреди стола сидел щенок, тряс лапкой и скулил, ибо, как мы поняли из их взаимных обвинений, они чуть не разорвали беднягу пополам. Вот ослы! Нашли себе развлечение – ссориться, кому первому держать этот теплый мохнатый комочек, а после каждый заревел, потому что, неудачно поборовшись за щенка, они оба уже не хотели его брать. Мы в голос расхохотались, глядя на этих избалованных дурачков. Как мы их презирали! Ты когда-нибудь видела, чтобы я требовал себе то, что хочет Кэти? Или чтобы мы, оставшись вдвоем, для развлечения начали рыдать, вопить или кататься по полу в разных

концах огромной комнаты? Ни за какие коврижки я не поменял бы свою жизнь здесь на жизнь Эдгара Линтона в поместье – даже если бы мне посчастливилось спихнуть Джозефа с самой высокой крыши и выкрасить фасад дома кровью Хиндли!

– Тише, тише! – прервала я его. – Ты мне так и не объяснил, почему Кэтрин осталась в «Дроздах».

– Я же сказал тебе, что мы расхотались, – ответил Хитклиф. – Линтоны нас услышали и тут же стремглав бросились к двери. Сперва они молчали, но потом как заорут: «Ой, мама, мамочка! Ой, папа, папочка! Идите сюда! Ой, мамочка, папочка!» Так и вопили не замолкая. А мы нарочно принялись ужасно шуметь, чтоб испугать их еще сильнее, но потом спрыгнули с цоколя, потому что кто-то начал греметь засовами и мы поняли, что пора удирать. Я схватил Кэти за руку и потащил за собой, но она вдруг упала. «Беги, Хитклиф, беги! – прошептала она. – Они спустили бульдога, и он меня схватил!» Этот дьявол вцепился ей в лодыжку, Нелли, я слышал его омерзительное сопение. Но Кэти даже не пикнула – нет! Она презирает трусость и не заплакала бы, даже если бы ее подняла на рога бешеная корова. Но я не молчал. Я обрушил ему на голову все ругательства, которые могли бы уничтожить любого черта в христианском мире, потом подобрал камень, сунул собаке в пасть и стал пихать его что есть силы в ее поганую глотку. Наконец явился с фонарем мерзавец-слуга и закричал: «Держи вора, Зверобой! Держи вора!» Правда, увидев, какую добычу поймал Зверобой, он сменил тон. Пса оттащили. Его огромный лиловый язык вывалился изо рта на полфута, а с отвислых брылей стекала кровавая слюна. Слуга поднял Кэти. Ей было плохо, но не от страха, это уж точно, а от боли. Ее понесли в дом, я пошел следом и все бормотал проклятия и говорил, что отомщу им. «Какая у нас добыча, Роберт?» – крикнул Линтон с порога. «Зверобой поймал девчонку, сэр, – отвечал тот. – С ней еще парень, – добавил он, схватив меня, – с виду из самых отъявленных. Видать, грабители думали подсадить их в окно, чтобы те им двери открыли, когда все в доме уснут, – так им легче было бы всех нас перерезать. Закрой рот и не сквернословь, ты, воруго! Тебя за это на виселице вздернут. Мистер Линтон, сэр, не опускайте ружье!» – «Нет-нет, Роберт, не опушу, – сказал старый дурак. – Негодяи знали, что вчера я получил плату от арендаторов. Захотели по-умному дело обделать. Веди их в дом. Уж я им устрою прием! Так, Джон, закрой дверь на цепочку. Дай Зверобою пить, Дженни. Напасть на судью в его же собственной твердыне! Да еще в воскресный день! До какой наглости надо дойти! О, Мэри, дорогая, взгляни-ка! Не бойся, это всего лишь мальчишка, хотя и набычился, как и подобает негодяю. Разве не будет благом для страны повесить его сразу, без проволочек, пока его натура не проявилась в деяниях, как она уже выказала себя в чертах его лица?» Он выволок меня под самую люстру, а миссис Линтон нацепила на нос очки и в ужасе воздела руки к небу. Трусливые детки Линтонов тоже подобрались поближе. Изабелла лепетала: «Какой страшный! Посади его в погреб, папочка. Он в точности как сын гадалки, который украл моего ручного фазана. Правда, Эдгар?»

Пока они меня разглядывали, подошла Кэти. Она услышала последние слова Линтона и рассмеялась. Эдгар Линтон взгляделся в нее повнимательнее и, собравшись с мыслишками, сообразил, кто она такая. Они же видят нас в церкви, понимаешь, хотя в других местах мы почти не встречаемся.

– Это мисс Эрншо, – прошептал он матери. – Посмотри, как ее укусил Зверобой – кровь из ноги так и льет!

– Мисс Эрншо? Чепуха! – воскликнула его мать. – Чтобы мисс Эрншо рыскала по округе с цыганом! Однако, дорогой, на ней траурное платье. Право же, так и есть. И ведь она может на всю жизнь остаться хромой!

– Небрежение ее брата заслуживает всяческого порицания! – воскликнул мистер Линтон, отвернувшись от меня и поворотившись к Кэтрин. – Как я узнал от Шильдерса (это викарий, сэр), он отнюдь не мешает ей расти настоящей язычницей. Однако кто это такой? Где она

нашла такого дружка? Ах да! Это, видать, то самое удивительное приобретение моего покойного соседа, сделанное в Ливерпуле, – маленький индеец с заморского корабля, а может, брошенный на берегу американец или испанец.

– В любом случае скверный мальчишка, – заметила пожилая дама. – И ему не место в приличном доме! Вспомни, Линтон, какие он произносил слова? Страшно подумать, что мои дети могли их услышать!

Тогда я снова начал ругаться – не злись, Нелли, – поэтому Роберту приказали меня выгнать. Без Кэти я уходить отказался. Но Роберт выволок меня в сад, сунул в руку фонарь, пригрозил, что мистеру Эрншо непременно сообщат о моем поведении, и, велел идти домой и не сворачивать, вновь запер дверь. Шторы на окне все еще были приподняты с одного конца, и я опять заступил на свой наблюдательный пост, ибо, если бы Кэтрин захотела вернуться, а ее бы не выпустили, я бы разбил их огромные окна на миллион мелких осколков. Кэти тихонько сидела на диване. Миссис Линтон сняла с нее серый плащ молочницы, который мы позаимствовали для нашей прогулки, и, как мне показалось, увещевала ее, качая головою. Все-таки она молодая леди, и к ней у Линтонов отношение не то, что ко мне. Затем служанка принесла таз с теплой водой и вымыла Кэти ноги. Мистер Линтон приготовил для нее бокал глинтвейна, а Изабелла принесла и вывалила ей на колени тарелку кексов. Поодаль с разинутым ртом стоял Эдгар. А после они высушили и расчесали ее прекрасные волосы, дали пару огромных домашних туфель и подкатали в кресле к огню. Когда я уходил, она была очень довольная – делилась своим угощением со щенком и Зверобоем, которого ущипнула за нос, отчего в пустых голубых глазках Линтонов засветилось хоть какое-то подобие жизни – бледное отражение веселости милого личика Кэти. Мне было видно, что эти дуралеи ею восхищаются, ведь она неизмеримо выше их – да и кого угодно на всем белом свете, правда, Нелли?

– У этой истории еще будут последствия, каких ты и представить себе не можешь, – отвечала я, покрыв мальчика одеялом и потушив свечу. – Ты неисправим, Хитклиф. Мистер Хиндли наверняка перейдет к крайним мерам, это уж как пить дать.

Я оказалась права. Все обернулось гораздо хуже. Это злосчастное приключение привело Хиндли в бешенство. А на следующий день еще и мистер Линтон, чтобы наладить отношения, нанес нам визит и прочел молодому хозяину наставление по поводу того, как он управляет своим семейством, так что тот действительно задумался о происходящем. Хитклифа не выпорол, но ему было сказано, что, если он хоть одно словечко скажет мисс Кэтрин, его выдворят из дому. А миссис Эрншо следила, чтобы золовка, вернувшись домой, вела себя, как подобает. И добивалась она этого не силой, а хитростью. Силой у нее ничего не вышло бы.

## Глава 7

Кэти пробыла в поместье «Дрозды» пять недель – до Рождества. К возвращению домой ее лодыжка совсем зажила, а поведение стало более благопристойным. Миссис Эрншо частенько навещала золовку в «Дроздах», где и начала приводить в исполнение свой план по ее перевоспитанию, стараясь с помощью элегантных нарядов и лести выработать у Кэти чувство самоуважения. И девочка быстро клюнула на приманку. Поэтому вместо маленькой простоволосой дикарки, которая могла вприпрыжку вбежать к нам и, запыхавшись, броситься обнимать и теревить всех домочадцев, с красивого черного пони легко соскочила очень чинная барышня с каштановыми локонами, ниспадающими на плечи из-под бобровой шляпки с пером, в длинной амазонке, которую ей приходилось придерживать обеими руками, дабы плавно прошествовать в дом. Помогая ей слезть с пони, Хиндли радостно воскликнул:

– Подумать только, Кэти, ты стала просто красавицей! Прямо не узнать. Ты теперь настоящая леди. Изабелле Линтон с нею не сравниться, правда, Франсес?

– У Изабеллы нет таких природных данных, – отвечала его жена. – Но Кэти следует следить за собою и не превратиться снова в дикарку. Элен, помоги мисс Кэтрин распаковать вещи. Постой, дорогая, не то собьешь локоны. Дай я развяжу тебе шляпку.

Я помогла Кэти снять амазонку, и нашему взору открылись великолепное шелковое клетчатое платьице, белые панталончики и начищенные до блеска ботиночки. И хотя глаза Кэти загорелись от радости, когда собаки прибежали приветствовать свою хозяйку, она едва коснулась их, ибо боялась, что, ласкаясь, они испачкают ее роскошный наряд. Меня она поцеловала с нежностью. Я была вся в муке, потому что пекла рождественский пирог, так что обнимать меня, конечно, не стоило. Затем мисс Кэти огляделась, ища глазами Хитклифа. Миссис и мистер Эрншо с волнением ожидали их встречи, полагая, что по их лицам хотя бы приблизительно определят, удастся ли им разлучить двух закадычных друзей.

Поначалу Хитклифа разыскать не смогли. Коли уж он был неприглядным и неухоженным до всей этой истории, то теперь стал в десять раз хуже. Никто, кроме меня, не заботился о нем, не корил за неряшливость, не просил умыться хотя бы раз в неделю, а ведь дети в таком возрасте не испытывают естественной надобности в мыле и воде. Потому одежду он, не снимая, носил три месяца, работая в пыли и грязи, а его густые нечесанные волосы, лицо и руки были покрыты отвратительным серым налетом. Неудивительно, что он спрятался за спинкой скамьи, увидев, как в дом вместо девчонки-сорвиголовы, которую он ожидал встретить, вошла прекрасная, элегантная барышня.

– А что, разве Хитклифа нет дома? – спросила Кэти, сняв перчатки и обнажив на удивление белые пальчики – следствие праздности и долгого пребывания в закрытом помещении.

– Хитклиф, можешь подойти! – позвал мистер Хиндли, предвкушая смущение мальчика и радуясь, что тому придется предстать перед Кэти в столь отвратительном виде. – Можешь подойти и поздороваться с мисс Кэти, как другие слуги.

Кэти, заметив своего друга, спрятавшегося за скамьей, бросилась к нему, намереваясь обнять. В одно мгновение она поцеловала его в щеку раз семь или восемь, но вдруг остановилась и, отпрянув, расхохоталась:

– Ой, какой же ты чумазый и сердитый! И какой... какой смешной и хмурый! Это, должно быть, оттого, что я привыкла к обществу Эдгара и Изабеллы Линтон. Ну, Хитклиф, неужто ты меня совсем позабыл?

Для такого вопроса у нее были все основания, ибо от стыда и уязвленного самолюбия Хитклиф насупился и стоял как каменный.

– Пожми мисс Кэти руку, Хитклиф, – снисходительно произнес мистер Эрншо. – Один раз можно.

– Не буду, – ответил мальчик, наконец обретя дар речи. – Я не позволю над собой насмеяться. Я этого не допущу!

И он бы убежал от нас, если бы мисс Кэти не схватила его снова.

– Я вовсе не собиралась над тобою смеяться, – сказала она. – Просто не удержалась. Хитклиф, давай наконец поздороваемся! С чего ты так надулся? Просто ты нелепо выглядишь. Вымой лицо и причешись – и все будет в порядке. Ну какой же ты грязный!

Она озабоченно посмотрела на покрытые грязью пальцы, которые держала в руке, а потом перевела взгляд на свое платье, испугавшись, что оно вряд ли стало красивее от соприкосновения с одеждой Хитклифа.

– Не надо было меня трогать, – сказал он, проследив за ее взглядом и вырвав руку. – Хочу быть грязным – и буду! И ничего вы со мной не сделаете!

С этими словами он выскочил из комнаты под дружный хохот хозяина и хозяйки, однако Кэтрин действительно расстроилась, ибо не понимала, отчего ее замечание вызвало такую бурю негодования.

После того как я исполнила роль горничной при новой госпоже, поставила кексы в печь, развела жаркий огонь, который, как полагается в сочельник, живо заиграл и в «доме», и на кухне, мне захотелось наконец сесть, чтобы в одиночестве для собственного удовольствия спеть рождественские гимны, хотя Джозеф уверял, что те веселые мелодии, которые я выбирала, подозрительно похожи на легкомысленные мирские песенки. Сам он удалился к себе с намерением помолиться, а миссис и мистер Эрншо развлекали молодую мисс разными милыми безделушками, которые были куплены в подарок Линтонам в знак благодарности за их доброту. Хозяева пригласили Линтонов провести следующий день в «Грозовом перевале», и приглашение было принято с одной оговоркой. Миссис Линтон просила, чтобы «этого непослушного мальчика, который говорит нехорошие слова» не подпускали к ее дорогим деткам.

Итак, я осталась одна. Вдыхала богатый аромат специй, наслаждалась блеском начищенных кастрюль, полированных часами с украшением из остролиста, серебряными кружками, расставленными на подносе и ждущими, когда их наполнят к ужину подогретым элем с пряностями, но более всего – идеально чистым полом, предметом моей особой гордости, который я как следует отдраила и подмела. Про себя я поаплодировала каждой вещи и вспомнила, как старый Эрншо, бывало, приходил в Рождество на кухню, когда все уже сияло чистотой, звал меня милой девочкой и в подарок совал мне в руку шиллинг; и сразу же подумала о том, как он был привязан к Хитклифу и боялся, что, когда смерть заберет его, мальчик будет брошен. Эти воспоминания, естественно, привели меня к размышлениям о тех обстоятельствах, в которых нынче оказался бедный парнишка, и вместо того, чтобы запеть, я принялась плакать. Впрочем, вскоре я сообразила, что будет больше толка, если я перестану попусту лить слезы и попытаюсь что-нибудь для него сделать. Я встала и отправилась на двор искать Хитклифа. Далеко идти не пришлось. Он, как было ныне заведено, чистил на конюшне лоснящиеся бока нового пони и задавал корм другим животным.

– Поторопись, Хитклиф! – сказала я. – На кухне теперь очень хорошо, да и Джозеф ушел наверх. Поторопись, я тебя приодену к приходу мисс Кэти. Прежде чем лечь спать, вы сможете вместе посидеть у очага и вдоволь наговориться.

Хитклиф продолжал заниматься своим делом и даже не повернул голову в мою сторону.

– Идем же! Пойдешь ты или нет? – продолжала я. – Для каждого из вас у меня есть маленький кекс. А тебе хватит и полчаса, чтоб нарядиться.

Я подождала пять минут, но так и ушла, не получив ответа. Кэтрин ужинала с братом и невесткой, а мы с Джозефом вдвоем принялись за невеселую трапезу, приправив ее попреками с одной стороны, и дерзостью – с другой. Кекс и сыр Хитклифа всю ночь пролежали нетронутые на столе, будто угощение для фей. Мальчик продолжал работать до девяти часов, а потом, молчаливый и угрюмый, скрылся в своей комнате. Кэти долго не ложилась, ей нужно

было сделать тысячу распоряжений для приема своих новых друзей. Однажды она заглянула на кухню поговорить со старым товарищем, но там его не оказалось. Кэти спросила меня, что с ним случилось, а после вернулась в гостиную. Утром Хитклиф встал рано и, поскольку день был праздничный, ушел в дурном расположении духа бродить по вересковым полям и так и не появился в доме, пока все семейство не отбыло в церковь. Пост и раздумья как будто благотворно повлияли на его настроение. Он немного покрутился вокруг меня и наконец, собравшись с духом, решительно произнес:

– Нелли, приведи меня в порядок, я хочу быть хорошим.

– Давно пора, Хитклиф, – ответила я. – Ты очень расстроил Кэтрин! По-моему, она даже пожалела, что вообще вернулась домой. Такое впечатление, что ты ей завидуешь, потому что о ней больше заботятся, чем о тебе.

Сама мысль о том, что он станет *завидовать* Кэтрин, не умещалась у него в голове, но зато он прекрасно понял, что огорчил девочку.

– Она сказала, что огорчилась? – серьезным тоном спросил он.

– Она заплакала, когда я ей сказала, что сегодня утром ты опять убежал.

– Так ведь и я тоже плакал вчера ночью, – проговорил он. – Но у меня на то было больше причин.

– Да, у тебя была причина ложиться спать на пустой желудок и с гордыней в сердце. Гордые люди сами вскармливают свою скорбь. Но раз уж тебе стыдно за свою обидчивость, надобно попросить у Кэти прощения. Когда она вернется, пойди наверх и скажи, что хочешь ее поцеловать, – ты сам знаешь, какие слова здесь подойдут, только сделай это от чистого сердца, а не так, словно из-за красивого платья она стала для тебя чужой. А теперь, хотя мне пора готовить обед, я выкрою часок и придам тебе подобающий вид – тогда Эдгар Линтон рядом с тобой будет выглядеть глупой куклой, да такой он и есть! Хоть ты и моложе, но, поверь мне, ты выше и шире в плечах, так что мог бы в два счета уложить его на обе лопатки. Сам разве не видишь?

Лицо Хитклифа на мгновение просветлело, но тут же вновь омрачилось.

– Но, Нелли, – вздохнул он, – уложи я его на лопатки хоть двадцать раз, от этого у него красоты не убавится, а у меня не прибавится. Вот бы у меня были светлые волосы и белая кожа, и хорошо бы мне одеваться и вести себя, как он, да еще стать когда-нибудь таким же богатым, каким будет он.

– ...и чуть что, звать на помощь мамочку, – продолжила я. – Трястись от страха, если деревенский парень покажет тебе кулак, и сидеть целый день дома, если на дворе дождик. Ох, Хитклиф, что-то ты пал духом! Подойди к зеркалу, и я покажу тебе, к чему должно тебе стремиться. Видишь эти две линии, что пролегли у тебя на переносье, и эти густые брови? Вместо того чтобы подняться полукружием, они вечно хмурятся. А два черных бесенка так глубоко посажены, что никогда не открывают смело своих окон, а прячут блеск свой, точно шпионы дьявола. Тебе лишь стоит захотеть перемениться и уметь разглаживать хмурые морщинки, широко раскрывать глаза с искренним чувством, и тогда вместо бесенят появятся доверчивые, невинные ангелы, чуждые подозрениям и сомнениям и всегда видящие друзей там, где нет врагов. Не становись похожим на злобного щенка, который вроде бы понимает, что получил пинок по заслугам, но все равно ненавидит того, кто его пнул, а заодно и весь мир.

– Другими словами, мне надо желать заполучить большие голубые глаза и гладкий лоб Линтона, – ответил Хитклиф. – Так я желаю. Только это не поможет.

– Доброе сердце сделает твое лицо красивым, мой мальчик, – продолжала я, – даже будь ты арапчонком. А дурное и первого красавца превратит в урода. Вот сейчас, когда ты умыт, причесан и перестал дуться, признайся, разве ты не хорош собою? Скажу тебе прямо – хорош! Ну чисто переодетый принц. Кто знает? Может, твой отец был китайским императором, а мать индийской царницей, и каждый из них за свой недельный доход купил бы все «Грозовые пере-

валы», и «Дрозды» в придачу? Но тебя похитили злобные матросы и привезли в Англию. На твоём месте я придумала бы легенду о своём высоком происхождении, и мысль о том, кто я на самом деле, придавала бы мне мужества и достоинства, чтобы устоять перед притеснениями жалкого фермера!

Так я говорила, и Хитклиф постепенно перестал хмуриться и даже стал вполне симпатичным, как вдруг нашу беседу прервал стук колес, сначала доносившийся с дороги, а потом и со двора. Мальчик подбежал к окну, а я к двери как раз вовремя, чтобы увидеть обоих Линтонов, которые вылезали из семейного экипажа, укутанные в плащи и меха, и всех Эрншо, спешивающихся у входа. Зимой они частенько ездили в церковь верхами. Кэтрин взяла обоих детей за руки, повела в дом и усадила у огня, отчего их бледные лица сразу порозовели.

Я посоветовала своему дружку не мешкать и выказать им доброе расположение, на что тот охотно согласился, но ему вновь не повезло – как только он открыл дверь, ведущую из кухни, Хиндли открыл ту же дверь с другой стороны. Они столкнулись, и хозяин, раздосадованный при виде столь чистого и веселого мальчика, а быть может, желая выполнить обещание, данное им миссис Линтон, силой впихнул его обратно в кухню и зло велел Джозефу «не пускать этого парня в комнату и отправить на чердак до конца обеда. Не то он будет хватать руками фруктовые пирожные и красть фрукты, если хоть на минуту его оставить без присмотра».

– Нет, сэр, – не выдержала я, – ничего он не станет трогать, ничего! И, по-моему, он имеет право получить свою долю сладостей, как все мы.

– Он получит свою долю розог, если я поймаю его внизу до темноты, – пригрозил Хиндли. – Убирайся, бродяга! Это еще что? Вздумал причесываться? погоди, вот доберусь я до твоих прелестных локонов и вытяну их чуть длиннее!

– Они уж и так длинные, – заметил юный Линтон, заглянув в дверь. – И как у него от них голова не болит? Точно жеребьячья грива – свисают прямо на глаза.

В его словах не было намерения оскорбить, но бешеная природа Хитклифа не позволила ему безропотно снести кажущуюся дерзость от мальчика, коего он был готов ненавидеть, ибо уже тогда видел в нем соперника. Он схватил миску с горячим яблочным соусом – первое, что попало под руку, – и швырнул прямо в обидчика, залив ему лицо и шею. Тот, ясное дело, заголосил, и на крик примчались Изабелла и Кэтрин. Мистер Эрншо тут же сгреб негодника в охапку и потащил в его комнату, где, конечно, применил самое жестокое средство, чтобы унять его злость, потому что потом вернулся к нам весь красный и тяжело дыша. Я совсем неласково вытирала Эдгару нос и рот посудным полотенцем, приговаривая, что так ему и надо, незачем было вмешиваться. Сестричка его тоже ныла и говорила, что хочет домой. А Кэти стояла в смущении, краснея за всех.

– Тебе не следовало с ним разговаривать! – сказала она молодому Линтону. – Он был в плохом настроении. Мало того что ты испортил праздник себе, так еще и его выпорют. Я даже не могу об этом думать! Мне и обедать уже не хочется. Ну зачем только, Эдгар, ты с ним заговорил?

– Я не говорил с ним, – всхлипывал мальчик, вырвавшись из моих рук и завершив свой туалет с помощью собственного батистового платочка. – Я обещал мамочке, что не скажу ему ни слова, и не сказал.

– Ладно, не плачь, – презрительно отозвалась Кэтрин. – Тебя не убили. Иначе будет еще хуже. Мой брат возвращается. Тише! Помолчи, Изабелла. Уж *тебя*-то никто не обидел!

– Так, так, дети, садимся за стол! – позвал Хиндли, торопливо входя на кухню. – Этот подлый мальчишка помог мне здорово согреться. В следующий раз, мистер Линтон, можете пустить в ход кулаки – это прибавит вам аппетита!

От запаха и вида вкусных угощений на столе настроение у хозяев и гостей заметно улучшилось. После поездки в церковь все проголодались и легко позабыли о неприятном эпизоде, тем более что ни с кем из них ничего по-настоящему плохого не приключилось. Мистер Эрншо

наррезал рождественского гуся большими ломтями и разложил по тарелкам, а юная хозяйка стала развлекать гостей веселой беседой. Я прислуживала за столом и стояла позади Кэтрин, и больно было мне видеть, как она без единой слезинки, с безразличным видом принялась за лежавшее перед ней гусиное крылышко. «Бесчувственный ребенок, – подумала я, – как легко она прогнала мысли о бедах бывшего своего товарища. Кто бы мог подумать, что она станет такой жестокосердной!» Кэтрин поднесла кусок к губам, но потом положила его обратно на тарелку; щеки ее покраснели, и по ним покатались слезы. Она нарочно уронила вилку на пол, чтобы быстренько нырнуть под скатерть, скрыв тем самым свои переживания. Недолго мне пришлось считать ее бесчувственной, ибо я поняла, что она весь день была как в аду, изнывала от невозможности остаться одной или пробраться к Хитклифу, которого заперли по приказу хозяина. Как я выяснила, она хотела потихоньку принести ему хоть что-нибудь с рождественского стола.

Вечером были устроены танцы. Кэти просила, чтобы мальчика выпустили, поскольку у Изабеллы Линтон не было партнера. Но из ее заступничества ничего не вышло. Кавалером назначили меня. И в радостном возбуждении от танцев мы позабыли обо всех невзгодах, тем более что из Гиммертона приехал целый оркестр – пятнадцать музыкантов с трубой, тромбонном, кларнетами, фаготами, валторнами и виолончелью, да еще певцы. Каждое Рождество они обходят все уважаемые дома в округе и за свои выступления получают награду. Для нас же было наивысшим удовольствием их послушать. После традиционных рождественских песнопений мы попросили их спеть наши обычные песни – и под музыку, и без нее, разложив на несколько голосов. Музыканты старались вовсю, и миссис Эрншо очень понравилось.

Кэтрин тоже была довольна, но сказала, что музыку лучше слушать с высоты, и поднялась по лестнице на скрытую в тени площадку. Я пошла за ней. Дверь внизу хозяева закрыли, не заметив нашего отсутствия – там было полно народу. Однако на лестничной площадке Кэтрин не задержалась, а полезла дальше, на чердак, где сидел запертый Хитклиф, и стала его звать. Некоторое время он упрямо молчал, но она упрашивала и в конце концов убедила ответить ей через дощатую стенку. Я не стала мешать бедняжкам, но, когда песни внизу стали стихать, а певцы перешли к закускам, я тоже поднялась по приставной лесенке, чтобы предупредить девочку. Однако Кэтрин снаружи уже не оказалось, ее голос звучал изнутри. Эта обезьянка пролезла сквозь слуховое окно одного чердачного отсека, пробралась по крыше до другого и через второе чердачное окно проникла внутрь. Чего мне стоило уговорить ее вернуться! Когда она все-таки выбралась с чердака, с нею был Хитклиф, и она настояла, чтобы я отвела его на кухню, благо Джозеф ушел к соседу, не желая осквернять свой слух дьявольскими песнопениями, как он предпочитал называть наши песни. Я сказала детям, что не собираюсь поощрять их проказы, но, поскольку пленник ничего не ел со вчерашнего обеда, закрою глаза, если он разок обманет мистера Хиндли. Хитклиф спустился вниз, я поставила ему табурет поближе к огню и принесла много вкусного. Но от побоев его тошнило, так что он поел совсем чуть-чуть, а мои попытки его развеселить были отвергнуты. Упершись локтями в колени и обхватив руками подбородок, он сидел в немом размышлении. Когда же я спросила, о чем он задумался, мрачно ответил:

– Пытаюсь решить, как отплатить Хиндли. Мне все равно, сколько придется ждать, лишь бы отомстить. Надеюсь, он не помрет раньше срока.

– Стыдись, Хитклиф! – сказала я. – Дурных людей наказывает Господь, а мы должны научиться прощать.

– Нет, бог не получит такого удовольствия, как я, – ответил он. – Главное – придумать наилучший способ. Оставь меня, и я намечу план мести; мне не так больно, когда я об этом думаю.

Но, мистер Локвуд, я заболталась, а рассказы мои, наверное, не так уж интересны. Мне неловко, что я все говорю-говорю, а каша ваша остыла, да и сами вы клюете носом – пора вам спать! Про Хитклифа я могла бы поведать – все самое важное – в нескольких словах.

Так, прервав себя, ключница поднялась и уже готова была отложить шитье, но я чувствовал, что не в состоянии отойти от очага, да и спать мне совсем не хотелось.

– Не уходите, миссис Дин! – воскликнул я. – Посидите еще полчаса. Вы правильно сделали, что, не торопясь, рассказали мне эту историю; именно такие истории мне нравятся. И закончить ее надо в том же ключе. Мне интересен каждый герой вашей повести – в большей или меньшей мере.

– Часы вот-вот пробьют одиннадцать, сэр.

– Неважно. Я не из тех, кто ложится спать до полуночи. Вот в час или в два ночи – это по мне, тем более что встаю я в десять.

– Не советую вам вставать в десять, сэр. Вы пропускаете самые лучшие утренние часы. Человек, не сделавший половину дневной работы к десяти утра, рискует вовсе не справиться со второй половиной.

– И все-таки, миссис Дин, сядьте, потому что я намереваюсь продлить ночь до полудня. Боюсь, завтра меня удержит в постели тяжелая простуда или, не дай бог, что-нибудь похуже.

– Надеюсь, что нет, сэр. Позвольте мне перескочить через три года. За это время миссис Эрншо...

– Нет-нет, ничего подобного я не позволю. Вам знакомо такое настроение, когда вы сидите в одиночестве, на коврике перед вами кошка вылизывает котенка, а вы столь внимательно следите за ее движениями, что, пропусти она хотя бы одно ушко, вы по-настоящему расстроитесь?

– Это ужасная лень, сэр.

– Наоборот, изнуряющая деятельность. Именно таков я сейчас, так что продолжайте ваш рассказ во всех деталях. Думается мне, что люди в ваших краях приобретают по сравнению с горожанами такую же ценность, какой становится паук в тюрьме по сравнению с пауком в обычном доме – для обитателей этих жилищ. И все же столь усиленное внимание к деталям не вполне зависит от занимаемого наблюдателем положения в обществе. Здесь люди серьезнее, живут, сообразуясь со своим внутренним миром, в них меньше поверхностного, переменчивого, легкомысленного и наносного. По-моему, любовь к жизни в ваших краях почти достижима, хотя прежде я был убежден, что никакая любовь не может длиться более года. Бывает такое состояние, когда голодный человек вынужден есть единственное блюдо, получая удовольствие лишь от него и оценивая достоинства только его; бывает и другое – когда человека этого посадили за стол, накрытый яствами от французских кулинаров. Возможно, все деликатесы вместе и покажутся ему чрезвычайно вкусными, но каждый из них окажется в его восприятии и в памяти лишь безликой частичкой целого.

– Стоит вам узнать нас поближе, и вы поймете, что мы здесь точно такие же, как везде, – заметила миссис Дин, озадаченная моею тирадой.

– Простите меня, – ответил я, – но вы, мой добрый друг, как раз являете собою пример, противоположный вашему утверждению. За исключением нескольких провинциальных словечек, не имеющих особого значения, у вас в речи и манерах нет никаких признаков того, что, по моим соображениям, присуще людям вашего сословия. Уверен, вам приходилось размышлять гораздо больше, чем другим слугам. Вы были вынуждены развивать свои мыслительные способности, ибо у вас не было возможности растрачивать свою жизнь на глупые пустяки.

Миссис Дин рассмеялась.

– Конечно, я считаю себя уравновешенной и разумной, – сказала она, – но не только потому, что живу среди холмов и из года в год наблюдаю одни и те же лица и одни и те же события. Я приучила себя к порядку, благодаря чему стала мудрее. К тому же я прочитала

столько, что вы не поверите, мистер Локвуд. В здешней библиотеке нет ни одной книги, в которую я бы не заглянула и из которой не почерпнула что-то важное, кроме разве что латинских и греческих книг, да еще французских; но я могу отличить их друг от друга. От дочери бедняка нельзя ожидать большего. Однако если мне придется продолжить свой рассказ в манере досужих кумушек, вместо того чтобы пропустить три года, я с удовольствием поведаю вам о следующем лете. Рассказ пойдет о лете 1778 года, то бишь о том, что случилось двадцать три года назад.

## Глава 8

Утром погожего июньского дня родился мой первый воспитанник – крепкий малыш, последний из древнего рода Эрншо. Мы сгребали сено на дальнем поле, когда вдруг увидели, как девочка, которая обычно приносила нам завтрак, бежит к нам сначала по лугу, потом по тропинке и по пути кличет меня.

– Ой, какое хорошенькое дитячко! – запыхавшись, выпалила она. – Свет не видывал такого красавчика! Только вот хозяйке недолго осталось. Доктор говорит, у нее уж давно чахотка. Я сама слыхала, как он сказал про это мистеру Хиндли. А теперича ее жизнь уж некому поддерживать; стало быть, до зимы она не доживет. Вы должны сейчас же идти домой, Нелли. Будете его нянчить, кормить молоком с сахаром, заботиться о нем днем и ночью. Вот бы мне так! Ведь он будет весь ваш, когда хозяйка помрет!

– Но разве хозяйка и правда так сильно больна? – спросила я, бросив на землю грабли и завязывая ленточки чепца.

– Похоже, что да, но с виду бодрая, – ответила девочка. – Послушать ее, так кажется, она собралась дожидаться, когда малыш вырастет. Совсем плохо соображает от радости, он же такой хорошенький! На ее месте я бы не умирала, я бы поправилась от одного его вида, несмотря на все, что наговорил Кеннет. До чего же я на него разозлилась! Повитуха миссис Арчер принесла нашего херувимчика хозяину в «дом», и лицо у того прямо засияло, но тут выходит этот старый зануда доктор и говорит: «Эрншо, благодарите бога, что супруга оставляет вам сына. Когда она сюда приехала, я был уверен, что недолго мы будем ее лицезреть, а нынче должен сказать вам, что зиму ей не пережить. Не мучайтесь и не волнуйтесь понапрасну – тут ничего не поделаешь. Да и к тому же, надо было вам крепко подумать, прежде чем брать в жены такую хрупкую тростинку!»

– И что ответил хозяин? – спросила я.

– Кажется, выругался. Но мне до него не было дела, я во все глаза рассматривала дитё!

И она снова принялась с восторгом описывать младенца. Обрадованная не меньше ее, я поторопилась домой, чтобы тоже взглянуть на новорожденного, хотя очень жалела Хиндли.

В его сердце было место только для двух кумиров – жены и самого себя. Он нежно любил обоих, но одного из них поистине боготворил, и я даже не могла вообразить, как он перенесет такую потерю. Когда мы добрались до «Грозового перевала», хозяин стоял у входной двери, и, проходя мимо него, я спросила:

– Как малыш?

– Скоро будет бегать, Нелл! – ответил он, изобразив на лице веселую улыбку.

– А как миссис Эрншо? – отважилась я на вопрос. – Доктор сказал, что она...

– К черту доктора! – прервал он меня, залившись краской. – Франсес чувствует себя прекрасно; ровно через неделю она будет абсолютно здорова. Ты идешь наверх? Будь добра, скажи ей, что я приду, если она пообещает не болтать. Я ушел, потому что она говорила без умолку, а ей надо молчать. Скажи, доктор Кеннет велел ей вести себя тихо.

Я передала миссис Эрншо просьбу Хиндли, но она, пребывая в радостном возбуждении, весело ответила:

– Да я и двух слов не сказала, Эллен, а он дважды выходил из комнаты, к тому же весь в слезах. Ну, хорошо, обещаю, что не буду разговаривать, но это не значит, что я обещаю над ним не смеяться.

Бедняжка! Жизнерадостность изменила ей лишь за неделю до смерти, а муж ее все время упрямо – нет, яростно – настаивал, что здоровье жены с каждым днем улучшается. Когда Кеннет сообщил хозяину, что на этой стадии болезни лечение более не оказывает никакого действия и нет нужды вводить его в новые расходы, Хиндли ответил:

– Я и так знаю, что нет нужды; она здорова – и ни к чему ей ваше лечение! У нее никогда не было чахотки. Был жар и прошел. Пульс у Франсес такой же ровный, как у меня. И лихорадочного румянца нет.

Жене он говорил то же самое, и, кажется, она ему верила. Но однажды вечером, когда она склонилась к нему на плечо и стала говорить, что завтра попытается встать с постели, у нее случился приступ кашля – совсем легкий. Хиндли поднял жену, она обвинила его шею руками, и тут в лице ее что-то переменялось, и она умерла.

Как предсказала девочка, малыш Гэртон полностью перешел на мое попечение. Мистер Эрншо, видя, что мальчик здоров, и никогда не слыша его плача, был доволен – во всяком случае, доволен тем, что касалось младенца. Что же до самого хозяина, то он пребывал в отчаянии. Но его скорбь не искала выхода в жалобах и сетованиях. Он не плакал и не молился. Он богохульствовал – осыпал проклятиями бога и людей, предавался безрассудному разгулу. Слуги не стали долго терпеть его гадкие, деспотичные замашки, и в доме остались только я и Джозеф. Я – потому что не могла покинуть своего подопечного, а кроме того, знаете, я ведь Хиндли молочная сестра, и мне было легче, чем людям посторонним, извинить его поведение. А Джозеф остался, чтобы устраивать арендаторов и работников на ферме, и еще потому, что любит быть там, где много зла, а значит, можно донимать грешников упреками.

Дурная жизнь и дурная компания стали хорошеньким примером для Кэтрин и Хитклифа. Хиндли обращался с мальчиком так, что на его месте и святой сделался бы чертом. Но, честно говоря, мне казалось, что в то время парень и вправду был одержим чем-то дьявольским. Он со злорадством наблюдал, как Хиндли опускается все ниже, как далек он от покаяния, и с каждым днем сам становился все угрюмее и нелюдимее. Мне не хватает слов передать, какая адская атмосфера царила в доме. Викарий перестал у нас бывать, и в конце концов все приличные соседи обходили наш дом стороной, кроме разве что Эдварда Линтона – он навещал мисс Кэти. В пятнадцать лет Кэти была королевой здешних мест, никто не мог с ней сравниться. Но сколь высокомерным и своенравным созданием она выросла! Признаюсь, она перестала мне нравиться, когда вышла из детского возраста, и я часто, к ее неудовольствию, пыталась унять ее заносчивость, однако должна сказать, что Кэти на меня не обижалась. У нее была удивительная способность не отступаться от старых привязанностей – даже Хитклиф оставался ей все так же дорог, как раньше, а молодой Линтон, при всем его превосходстве, едва ли мог произвести на нее такое же глубокое впечатление. Линтон – это мой покойный хозяин, вон над камином его портрет. Когда-то он висел с одной стороны, а портрет его жены – с другой. Но ее портрет сняли, иначе вы могли бы представить, какой она была. Вам видно?

Миссис Дин подняла свечу, и я различил лицо мужчины с нежными чертами, сильно напоминавшее ту молодую женщину, которую я встретил в «Грозовом перевале», но более задумчивое и приветливое. Приятное лицо. Длинные светлые волосы немного вились у висков, большие глаза смотрели серьезно, но изящества в фигуре, возможно, было чуть больше, чем следовало. Я не удивился, что Кэтрин Эрншо предпочла такого человека своему первому другу. Удивительно было другое: как Линтону могла прийти по душе Кэтрин Эрншо после того, что я о ней узнал?

– Очень хороший портрет, – сказал я. – Похож на оригинал?

– Да, – ответила она. – Но Линтон, когда оживлялся, был еще лучше. А таким, как на портрете, он бывал обыкновенно. Вообще, ему не хватало живости.

С тех пор как Кэтрин пять недель пробыла у Линтонов, она продолжала поддерживать с ними знакомство; но поскольку у нее не возникало соблазна продемонстрировать в их обществе нелучшие свои стороны и хватало разума воздерживаться от грубости там, где ее принимали с неизменной учтивостью, она без особого расчета расположила к себе пожилую чету своею редкою сердечностью, добила восхищения Изабеллы и завоевала душу и сердце ее брата – победы, с самого начала ей льстившие, ибо Кэтрин была ужасно тщеславной. В резуль-

тате в девушке словно поселились два человека, хотя никого обманывать она не собиралась. В доме, где Хитклифа при ней называли «юным наглым грубияном» и «существом хуже животного», она старалась вести себя не так, как он, но в собственном доме она едва ли была склонна проявлять вежливость, которая все равно стала бы предметом для насмешек, или сдерживать свой неуправляемый характер, прекрасно понимая, что это не принесет ей ни уважения, ни похвалы.

Мистеру Эдварду нечасто хватало смелости открыто посещать «Грозовой перевал». Он испытывал ужас перед репутацией Эрншо и избегал с ним встречи, однако ж мы всегда принимали его со всею любезностью. Да и сам хозяин старался не обижать гостя, понимая, зачем тот приходит, и коли был не в состоянии проявлять учтивость, то держался от него подальше. Кэтрин же, как мне кажется, не слишком радовалась появлениям у нас Линтона. Она не умела хитрить, не любила кокетничать и явно не желала встреч двух своих друзей. Когда Хитклиф в присутствии Линтона выражал к нему презрение, она не поддакивала, как делала это в его отсутствие, а когда Линтон выказывал неприязнь и отвращение к Хитклифу, она не решалась оставлять его слова без внимания – делать вид, будто унижение товарища ее детских игр ее не заботит. Я частенько посмеивалась над этими затруднениями и невысказанной тревогой Кэти, хоть она и пыталась скрыть их, дабы избежать моих колкостей. Звучит не по-христиански, но ею так овладела гордыня, что я не могла сочувствовать ее горю, покуда она не смирится. В конце концов она все же доверилась мне и поделилась своими горестями. Не было больше на свете ни одной живой души, к которой она могла обратиться за советом.

Однажды мистер Хиндли куда-то ушел, и Хитклиф решил по этому случаю устроить себе праздник. Думаю, тогда ему уже исполнилось шестнадцать, и, хотя он не был ни уродом, ни глупцом, ухитрялся неизменно производить отталкивающее впечатление – и своим внешним видом, и внутренней сущностью, от чего в его теперешнем облике не осталось и следа. Прежде всего скажу, что к тому времени он утратил даже начатки своего образования. Бесперывный тяжкий труд с раннего утра до позднего вечера лишил его любознательности и тяги к знаниям, которые были присущи ему ранее, любви к книгам и к учению. Детское чувство превосходства, сформировавшееся благодаря покровительству старого мистера Эрншо, ушло в прошлое. Долго он старался не отставать от Кэтрин в учебе, прилагая все силы, однако был вынужден сдаться с немим, но горьким сожалением, и сдаться окончательно и бесповоротно, без всякого желания двигаться хоть немного вперед, когда понял, что неизбежно скатывается все ниже. Сему духовному упадку соответствовала теперь и его внешность. Походка стала тяжелой, неуклюжей и весь он приобрел вид простолюдина. Необщительный от природы, он сделался тупым и замкнутым и, как видно, получал мрачное удовольствие, когда редкие знакомые вместо уважения проявляли к нему неприязнь.

Но все же они с Кэтрин оставались, как прежде, друзьями и проводили время вместе, особенно когда у Хитклифа выдавался часок-другой отдыха; но он перестал выражать словами свое нежное к ней отношение и со злобной подозрительностью уклонялся от ее детских ласк, будучи уверенным, что в этих знаках внимания не может быть никакого истинного чувства. В тот день он пришел в «дом» и объявил о своем намерении бездельничать, а я как раз помогала мисс Кэти приводить в порядок платье. Она не ожидала, что Хитклифу придет в голову устроить себе выходной день, и, полагая, что весь дом будет в ее распоряжении, ухитрилась каким-то образом известить мистера Эдгара об уходе брата и теперь собиралась принять своего знакомого.

– Кэти, ты сегодня занята? – спросил Хитклиф. – Куда-нибудь собираешься?

– Нет, дождь идет, – ответила она.

– Тогда зачем ты надела шелковое платье? Надеюсь, к нам никто не заявится?

– Насколько я знаю, нет, – запинаясь, проговорила мисс. – Но ты сейчас должен быть в поле, Хитклиф. Уже целый час прошел после обеда. Я думала, ты давно там.

– Хиндли не так часто освобождает нас от своего гнусного присутствия, – заметил мальчик. – Больше я сегодня работать не стану. Побуду с тобой.

– Но Джозеф наябедничает, – предположила Кэтрин. – Лучше бы тебе пойти.

– Джозеф грузит известняк на дальнем склоне Пенистон-Крэга, провозится там до темноты, так что ничего не узнает.

С этими словами он вразвалку подошел к огню и сел. Нахмутив брови, Кэтрин на мгновение задумалась – надобно было как-то предварить появление гостя.

– Изабелла и Эдгар Линтон говорили, что, возможно, сегодня заглянут, – сообщила она после минутного молчания. – Правда, идет дождь, поэтому я их не очень-то жду. Но они могут приехать, и тогда ты рискуешь ни за что ни про что получить нагоняй.

– Вели Эллен сказать им, что ты занята, Кэти, – настаивал он. – Не прогоняй меня из-за этих твоих ничтожных и глупых друзей! Иногда я почти готов пожаловаться, что они... Но нет, не буду.

– Что они... что? – воскликнула Кэтрин, глядя на него с раздражением. – Ах, Нелли! – капризным тоном добавила она, отклонив голову от моих рук. – Ты так расчесала мне волосы, что локонов совсем не видно. Хватит, оставь меня. На что это ты готов пожаловаться, Хитклиф?

– Ни на что. Только взгляни на календарь на стене. – Он показал на висевший у окна листок в рамке и продолжал: – Крестиком обозначены вечера, которые ты провела с Линтонами, а точками – те, что со мной. Видишь? Я отметил каждый день.

– Вижу. Очень глупо. Какое мне до этого дело! – ответила Кэтрин с досадой. – В чем тут смысл?

– Чтобы показать, что мне есть до этого дело, – ответил Хитклиф.

– Так что же, мне надо все время сидеть с тобой? – все более раздражаясь, воскликнула она. – А что проку? О чем мы говорим? С таким же успехом я могла бы разговаривать с немым или с младенцем. Что бы ты ни говорил и что бы ни делал – меня это не развлекает!

– Раньше ты никогда не жаловалась, что я мало говорю или что тебе неприятно мое общество, Кэти! – в сильном волнении произнес Хитклиф.

– Это вообще не общество, когда человек ничего не знает и ничего не говорит, – пробормотала Кэтрин.

Ее товарищ поднялся, но так и не смог выразить своих чувств, ибо в тот момент послышался стук копыт по мощеной дорожке. Тихонько постучав, вошел молодой Линтон с сияющим от радости лицом – ведь он получил неожиданное приглашение в гости. Без сомнения, Кэтрин отметила разницу между своими друзьями, когда один входил, а другой выходил из комнаты. Такой контраст возникает, когда с блеклых холмов угольных шахт вдруг попадаешь в цветущую плодородную долину. Голос и манера Линтона были столь же отличны, как и выражение его лица. Тон его был тих и приятен, и слова он произносил, как вы – мягко и не так хрипло, как привыкли мы, местные жители.

– Я не слишком рано? – спросил он, бросив взгляд на меня. Я как раз взялась протирать блюда и наводить порядок на самых дальних полках посудного шкафа.

– Нет, – ответила Кэтрин. – Что ты там делаешь, Нелли?

– Работаю, мисс, – сказала я. Мистер Хиндли распорядился, чтобы я всегда присутствовала третьей, если Линтон явится с визитом к Кэтрин.

Подойдя ко мне сзади, она прошипела:

– Убирайся и заberi с собой свои тряпки. Когда в дом приходят гости, слуги при них не скоблят и не моют.

– Но пока хозяина нет, я хочу воспользоваться случаем, – отвечала я громко. – Он не любит, когда я вожусь с посудой в его присутствии. Не сомневаюсь, что мистер Эдгар меня простит.

– А я не люблю, когда ты возишься с посудой в *моем* присутствии! – властно воскликнула молодая леди, не дав гостю ответить. Она все еще не успокоилась после размолвки с Хитклифом.

– Прошу меня извинить, мисс Кэтрин, – был мой ответ, и я продолжила с тем же старанием тереть блюдо.

Полагая, что Эдгар не заметит, она выхватила из моих рук тряпку и ущипнула меня, причем вцепилась с редкою злобою и долго не выпускала. Я уже говорила вам, что не любила ее тогда и частенько с удовольствием находила повод усмирять ее тщеславие. К тому же мне было очень больно, поэтому я поднялась с колен и закричала:

– Что это вы, мисс, делаете! У вас нет никакого права щипать меня! Я вам этого не позволю!

– Я тебя не трогала, лгунья! – запротестовала она, и пальцы ее затрепетали, словно хотели вновь в меня вцепиться, а уши покраснели от ярости; в подобных случаях у нее всегда пылало лицо.

– Тогда что это такое? – возразила я, показав в доказательство багровый синяк на руке.

Она топнула ногой и после недолгой паузы, не справившись со своим злобным характером, вlepила мне такую пощечину, что от жгучей боли слезы брызнули у меня из глаз.

– Кэтрин, милая Кэтрин! – вмешался Линтон, пораженный лживостью и агрессивностью своего кумира.

– Убирайся из комнаты, Эллен! – повторила та, вся дрожа.

Мальш Гэртон, который всюду ходил за мною, как хвостик, и в тот раз сидел подле меня на полу, увидев мои слезы, тоже заплакал и, всхлипывая, назвал ее «злой тетей Кэти», и тут уж ее ярость обрушилась и на его несчастную голову. Схватив мальчонку за плечи, Кэтрин принялась трясти его так, что тот весь побелел. Тогда Эдгар неосторожно поймал ее руки и попытался освободить малыша. В ту же секунду рука Кэтрин вывернулась, и потрясенный молодой человек почувствовал, как она приложилась к его собственному уху – и на шутку это вовсе не походило. Линтон в ужасе отпрянул. Взяв Гэртонa на руки, я ушла с ним на кухню, но оставила дверь открытою, ибо любопытно мне было узнать, как разрешится их ссора. Оскорбленный гость – бледный, с трясущимися губами – направился к тому месту, где оставил шляпу.

«Прекрасно! – сказала я себе. – Получил предупреждение – и уходи! Еще скажи спасибо, что смог увидеть, каков ее истинный нрав!»

– Куда ты? – резко спросила Кэтрин, двинувшись к двери.

Линтон отклонился в сторону и попытался пройти.

– Ты не можешь уйти! – с чувством воскликнула она.

– Могу и уйду, – отвечал он подавленно.

– Нет! – настаивала она, взявшись за ручку двери. – Ты так не уйдешь, Эдгар Линтон. Сядь. Ты не оставишь меня в таком состоянии. Я буду страдать всю ночь, но я не желаю страдать из-за тебя!

– Как же я могу остаться, после того как ты меня ударила? – спросил он.

Кэтрин молчала.

– Мне стало страшно и стыдно за тебя, – продолжал он. – Больше я сюда не приду.

Слезы заблестели у нее на глазах, веки дрогнули.

– И ты намеренно сказала неправду, – добавил он.

– Нет, не сказала! – закричала она, прервав наконец молчание. – Я ничего не делала намеренно. Ну и уходи, коли хочешь. Убирайся! А я буду плакать – плакать, пока не заболую.

Кэтрин рухнула на колени подле стула и принялась рыдать во весь голос. Эдгар сохранял решимость, пока не вышел во двор; там он заколебался. Я подумала, что надобно помочь ему принять правильное решение.

– Мисс ужасно своенравна, сэр! – крикнула я. – Очень испорченный ребенок. Поезжайте-ка лучше домой, иначе она и впрямь заболеет, только чтобы нам досадить.

Этот кроткий мальчик искоса глянул в окно. У него не было сил уйти, как нет сил у кошки уйти от полуживой мышки или от недоеденной птички. «Ох, – подумала я, – его уже не спасти, он обречен и сам мчится навстречу своей судьбе!» Так и было. Линтон резко повернулся и, поспешно войдя в дом, захлопнул за собою дверь. Когда некоторое время спустя я вошла следом и сообщила, что мистер Эрншо приехал домой в пьяном угаре и готов весь дом обрушить на наши головы (обычное его поведение в таком состоянии), я обнаружила, что ссора лишь способствовала большей близости между молодыми людьми – разбила барьеры юношеской застенчивости, помогла им перестать притворяться всего лишь друзьями и признаться во взаимной любви.

Известие о приезде мистера Хиндли заставило Линтона броситься к своей лошади, а Кэтрин скрыться у себя в комнате. Я же поспешила спрятать маленького Гэртона и вынуть заряд из охотничьего ружья хозяина, с которым в безумном возбуждении он любил поиграть, угрожая жизни любого, кто мог его разозлить или просто привлечь чрезмерное внимание. Я догадалась извлекать заряд из ружья, дабы Хиндли не сотворил несчастья, если ему придет на ум пострелять.

## Глава 9

Хиндли вошел, изрыгая проклятия, которые страшно было слушать, и застал меня как раз в тот момент, когда я запихивала его сына в кухонный буфет. Гэртон испытывал спасительный ужас и от дикого отцовского обожания, и от его необузданной ярости. В первом случае его могли до смерти задушить в объятиях и зацеловать, во втором же швырнуть в огонь или об стену, посему бедняжка молчал и не сопротивлялся, куда бы я его ни прятала.

– Ах вот оно что! Наконец я его нашел! – закричал Хиндли, схватив меня за шиворот и оттащив от буфета, как собаку. – Гром и молния! Вы поклялись уморить ребенка! Теперь я понимаю, почему никогда его не вижу. Но, клянусь дьяволом, я заставлю тебя проглотить этот кухонный нож, Нелли! Не смейся, ибо я только что окунул Кеннета вниз головой в трясину Вороного Коня, а где один, там и двое – мне надо кого-нибудь убить. Пока не убью – не успокоюсь!

– Мне не нравится кухонный нож, мистер Хиндли, – заявила я. – Им разделявали копченую селедку. Лучше уж меня застрелите.

– Лучше тебе обратиться ко всем чертям! – закричал он. – И я тебя уберу. Нет в Англии таких законов, чтобы запрещать человеку содержать свой дом в порядке, а мой дом отвратителен. Открывай рот.

Схватив нож, он попытался просунуть его кончик мне между зубами, но я не особенно боялась его вывертов. Сплюнув, я сказала, что нож невкусный и я ни за что не стану его глотать.

– Да? – удивился он, отпустив меня. – Теперь я вижу, что этот ужасный маленький негодник вовсе не Гэртон. Прошу прощения, Нелл. Будь это он, следовало с него бы шкуру содрать за то, что не выбежал поздороваться с отцом, и за то, что орет, словно увидел домового. Подойди сюда, бестолковый щенок! Я научу тебя, как обманывать добросердечного, простодушного отца. Как думаешь, Нелл, не стоит ли мальчишку красиво подстричь? Собаки от стрижки становятся злее, а я люблю злых... Дай мне ножницы... Да, злее... Подстрижем его! К тому же это адское кокетство, дьявольское тщеславие – беречь свои уши. Мы и без них все равно ослы. Тише, дитя, тише! Вот славный мальчик! Не грусти, утри слезы – все хорошо, поцелуй меня! Что? Не хочешь? Поцелуй меня, Гэртон! Черт возьми, поцелуй же! Боже, неужели это чудовище – моя плоть и кровь! Теперь-то я уж точно сверну мерзавцу шею.

Бедный Гэртон изо всех сил вопил и бился в отцовских руках, но, когда тот понес его вверх по лестнице и поднял над балюстрадой, мальчик стал голосить и вырываться пуще прежнего. Я закричала, что от испуга у ребенка случится родимчик, и бросилась его спасать. Прибежав наверх, я увидела, что Хиндли перегнулся через перила и прислушивается к шуму внизу, почти забыв, кого держит в руках.

– Кто там? – спросил он, услышав, что кто-то подошел к лестнице.

Я тоже нагнулась, чтобы дать сигнал Хитклифу не показываться – я узнала его по походке. Но в то мгновение, когда я отвела взгляд от Гэртона, мальчик неожиданно вывернулся, освободившись из некрепких рук Хиндли, и полетел вниз.

Мы даже не успели испытать ужас от происшедшего, как поняли, что бедняжка спасен. В решающий момент под лестницей появился Хитклиф, который без раздумий поймал ребенка, поставил его на ноги и поглядел вверх, чтобы понять, кто виновник несчастного случая. Скрыга, уступивший счастливый лотерейный билет за пять шиллингов, а на следующий день обнаруживший, что потерял на этом пять тысяч фунтов, не был бы так ошарашен, как Хитклиф, увидевший наверху мистера Эрншо. Лицо паренька яснее слов говорило об ужасной досаде из-за того, что он оказался орудием, помешавшим собственной мести. Осмелюсь предположить, что, если бы было темно, Хитклиф попытался бы исправить ошибку и размозжил Гэртону голову на тех же ступенях. Но мы оказались свидетелями спасения ребенка. Я

быстро сбежала вниз и прижала к груди моего драгоценного воспитанника. Хиндли спустился медленнее, протрезвевший и смущенный.

– Это ты виновата, Эллен, – сказал он. – Надо было держать его от меня подальше. Ты должна была забрать его у меня. Он не ушибся?

– Ушибся?! – вскричала я в негодовании. – Если не убили, так сделаете дурачком! Удивительно, как его матушка еще не встала из могилы посмотреть, что вы творите! Вы хуже язычника, если так обращаетесь со своей кровинушкой!

Хиндли попытался погладить малыша, который, оказавшись в моих руках, сразу же успокоился и перестал плакать. Однако стоило отцу дотронуться до него лишь пальцем, как он вновь завопил и начал брыкаться с такою силою, что чуть не забился в припадке.

– Отвяжитесь вы от него, – продолжала я. – Он вас ненавидит, да и все вас ненавидят – правду не скроешь! Счастливое семейство, нечего сказать! До чего вы себя довели – вот уж хорош так хорош!

– А буду еще лучше, Нелли, – рассмеялся этот заблудший человек, вновь ожесточившись. – Покамест уйди отсюда и его заberi. И слышишь, ты там, Хитклиф, скройся с глаз моих – чтобы мне тебя не видеть и не слышать... Сегодня я тебя не убью, разве только подожгу дом. Но это уж как мне заблагорассудится.

С этими словами он вынул из буфета бутылку бренди и налил себе стаканчик.

– Остановитесь, – взмолилась я. – Мистер Хиндли, примите это как предупреждение свыше. Пожалейте хоть несчастного мальчика, если себя не жалете!

– С кем угодно ему будет лучше, чем со мной, – ответил он.

– Пощадите собственную душу! – продолжала я и попыталась отобрать у него стаканчик.

– Ну уж нет! Напротив, я с превеликим удовольствием отправлю свою душу на вечные муки, дабы наказать Создателя! – воскликнул богохульник. – Пью за мою проклятую душу!

Он осушил стаканчик и нетерпеливо велел нам убираться, присовокупив к своему распоряжению череду проклятий, коих не следует ни вспоминать, ни повторять.

– Жаль, что он не умрет от пьянства, – заметил Хитклиф, негромким эхом повторив те же богохульства, когда дверь за Хиндли захлопнулась. – Прямо из кожи вон лезет, да организм не поддается. Мистер Кеннет говорит, что готов поставить свою кобылу, что Хиндли переживет любого фермера отсюда до Гиммертона и сойдет в могилу убеленным сединами грешником, ежели не случится какое-нибудь неожиданное счастливое происшествие.

Я пошла на кухню и, усевшись со своим маленьким агнцем, принялась его баюкать. Хитклиф, как мне показалось, отправился в амбар. Лишь потом выяснилось, что он прошел позади скамьи и тихонько улегся на лавку, что была отодвинута к стене подальше от огня.

Я качала Гэртон на коленях и напевала песенку, начинавшуюся словами:

Плакали дети ночью порой,  
Их мать услышала в гробу под землей... —

когда мисс Кэти, до комнаты которой донесся шум с лестницы, заглянула на кухню и прошептала:

– Ты одна, Нелли?

– Да, мисс, – отвечала я.

Она вошла и приблизилась к очагу. Я подняла глаза, полагая, что она хочет мне что-то сказать. Лицо ее было взволнованно и озабочено, рот полуоткрыт, словно она действительно собиралась заговорить. Кэти втянула воздух, но так ничего и не сказав, выдохнула. Я вновь запела, не желая забывать, как она совсем недавно повела себя со мною.

– Где Хитклиф? – спросила она, прервав мое пение.

– Работает на конюшне, – был мой ответ.

Хитклиф не противоречил, быть может, задремал. Опять последовало долгое молчание, но я заметила, как на плиты пола со щек Кэти скатились две слезинки. «Неужто она сожалеет о своем постыдном поступке? – подумала я. – Вот это новость! Но пусть сама соберется с духом и признается, не стану я ей помогать. Хотя вряд ли – ее не очень волнуют беды других, в отличие от собственных».

– Боже мой! – воскликнула она наконец. – Я очень несчастна!

– Жаль, – отвечала я. – У вас так много друзей и так мало забот, а вы все равно недовольны.

– Нелли, ты сохранишь мой секрет? – продолжала она, опустившись рядом со мной на колени, и направила на меня свой обезоруживающий взгляд, от которого непременно исчезало ваше раздражение, несмотря на все основания его испытывать.

– А он того стоит? – спросила я уже не так обиженно.

– Да, и я очень волнуюсь. Мне надо кому-то открыться. Хочу понять, что мне делать. Сегодня Эдгар Линтон сделал мне предложение, и я дала ему ответ. Но прежде чем я скажу тебе, было это согласие или отказ, скажи, как, по-твоему, мне следовало ответить.

– Право, мисс Кэтрин, откуда же мне знать? Если принять во внимание сцену, которую вы устроили в его присутствии сегодня днем, без сомнения, разумно было бы ему отказать; но раз уж он сделал вам предложение после случившегося, значит, он либо безнадежно глуп, либо ищет себе на голову приключений.

– Раз ты такое говоришь, я тебе больше ничего не скажу, – капризным тоном проговорила она и поднялась. – Я согласилась, Нелли. А теперь быстро ответь, правильно я сделала или нет.

– Вы согласились! Тогда к чему обсуждать? Дали слово – теперь уж назад не возьмешь.

– Но скажи, следовало ли мне так поступать? Скажи! – воскликнула она в раздражении, сжав руки и нахмурившись.

– Прежде чем правильно ответить на ваш вопрос, надобно подумать о нескольких вещах, – ответила я с нравоучительным видом. – Самое главное – любите ли вы мистера Эдгара?

– Как же его не любить? Конечно, люблю.

Тогда я стала задавать ей вопросы, как в катехизисе – для двадцатидвухлетней девушки это было весьма полезно.

– Почему вы его любите, мисс Кэти?

– Что за ерунда! Люблю – и все.

– Ничего подобного. Вы должны сказать почему.

– Ну, потому, что он красивый и мне нравится его общество.

– Плохо! – прокомментировала я.

– И потому что он молодой и веселый.

– Опять плохо.

– И потому что он меня любит.

– Это в данном случае несущественно.

– И еще он будет богатым, а я хочу быть самой шикарной дамой в округе. Я буду гордиться таким мужем.

– Хуже не придумаешь. Теперь скажите, как вы его любите.

– Как все любят. Какая же ты глупая, Нелли!

– Вовсе нет. Отвечайте.

– Я люблю землю, по которой он ступает, все предметы, до которых он дотрагивается, каждое слово, которое он произносит. Я люблю его лицо, его поступки – все-все, что в нем есть. Довольна?

– А почему?

– Да ты надо мной смеешься. Это подло. Мне сейчас совсем не до шуток! – сказала молодая леди и, нахмурившись, отвернулась к огню.

– Я вовсе не шучу, мисс Кэтрин, – отвечала я. – Вы любите мистера Эдгара, потому что он красивый, молодой и веселый, потому что он богат и любит вас. Последнее, впрочем, не важно – вы бы и без этого могли в него влюбиться, как могли и не влюбиться в ответ на его чувство, если бы он не обладал четырьмя перечисленными ранее качествами.

– Да, действительно не могла бы. Я бы лишь жалела его; быть может, ненавидела, если бы он был уродлив или смешон.

– Но в мире есть и другие красивые и богатые молодые люди – возможно, красивее и богаче его. Что вам мешает полюбить их?

– Если они где-то есть, то мне не встречались. Таких, как Эдгар, я еще не видела.

– Может, еще увидите. Он ведь тоже не всегда будет красивым и молодым, и не исключено, что когда-нибудь перестанет быть богатым.

– Но сейчас-то он богат. Меня интересует настоящее. Тебе следовало бы рассуждать здраво.

– Ну, тогда все решено. Коли вас интересует только настоящее, выходите за мистера Линтона.

– Мне твое разрешение не требуется – я и так за него выйду! Но ты не сказала, правильно ли я поступаю.

– Абсолютно правильно, если люди выходят замуж, думая лишь о настоящем. А теперь скажите: отчего вы несчастны? Братец ваш будет доволен... Старики Линтоны, думаю, тоже не станут противиться. Вы покинете этот полный бесчинства, неудобный дом и поселитесь в доме богатом и уважаемом. Вы любите Эдгара, Эдгар любит вас. Кажется, все легко и просто. Что же мешает?

– *Это и это!* – ответила Кэтрин, приложив одну руку ко лбу, а другую к груди. – В каком месте у человека живет душа? В душе и в сердце своем я определенно чувствую, что поступаю дурно.

– Очень странно. Я вас не пойму.

– Это и есть мой секрет. Если не будешь надо мной смеяться, я объясню. У меня не получится выразить все ясно, но постараюсь передать тебе, что чувствую.

Она снова села рядом. Лицо ее стало печальнее и мрачнее, сжатые руки дрожали.

– Нелли, тебе никогда не снятся странные сны? – вдруг спросила она после минутного раздумья.

– Иногда снятся, – ответила я.

– Мне тоже. Некоторые сны так и остались со мною на всю жизнь, они даже изменили мои мысли. Они прошли сквозь меня, словно вино сквозь воду, меняя цвет моей души. Вот один такой сон. Я тебе его расскажу, только постарайся ничему не улыбаться.

– Ах нет, мисс Кэтрин! – вскричала я. – Не станем вызывать призраков и привидений – нам и без них тяжело. Ну же, развеселитесь, будьте сами собой! Поглядите на маленького Гэртона! *Ему* ничего страшного не снится. Вон как сладко он улыбается во сне!

– Да, и как сладко богохульствует его отец, сидя в одиночестве! Ты, должно быть, помнишь его розовощеким ангелочком – почти таким же маленьким и невинным, как этот. И все-таки, Нелли, я хочу, чтобы ты меня выслушала, сон совсем недлинный. К тому же сегодня мне грустно.

– Нет-нет, не стану, и не просите! – быстро проговорила я.

Я верила в вещие сны, как верю и теперь, а Кэтрин неожиданно помрачнела, и я испугалась, что найду в ее сне предзнаменование ужасной катастрофы. Она рассердилась, но продолжать не стала. Через некоторое время, сделав вид, что переменяла тему, она вновь заговорила:

– Если бы я попала в рай, Нелли, мне было бы там очень плохо.

– Это потому, что вас туда не пустят, – ответила я. – В раю плохо всем грешникам.

– Нет, не поэтому. Мне однажды приснилось, что я на небесах.

– Я же сказала, что не стану слушать про ваши сны, мисс Кэтрин! Пора мне идти спать! – вновь прервала я ее.

Рассмеявшись, она остановила меня, поскольку я собралась подняться.

– Не беспокойся! – воскликнула она. – Я только хотела сказать, что небеса не показались мне родным домом, сердце мое было разбито, я плакала и просилась назад на землю. Ангелы так рассердились, что швырнули меня прямо на вересковую пустошь на вершине наших холмов, где я и очнулась, от радости вся в слезах. Этой истории довольно, дабы объяснить один мой секрет. Да и второй тоже. Мне что замуж за Эдгара Линтона, что в рай, и, если бы тот мерзкий человек не принизил так Хитклифа, я бы и не помышляла об этом браке. Если я сейчас выйду за Хитклифа, то и мое положение станет ниже, так что он никогда не узнает, как я его люблю, и люблю не потому, что он красив, Нелли, а потому, что он – это я сама, даже больше. Из чего бы ни были сотворены наши души, они у нас одинаковые, а душа Линтона отличается от них, как лунный луч от молнии или как мороз от огня.

Пока она говорила, я поняла, что Хитклиф никуда не ушел. Почувствовав какое-то легкое движение, я обернулась и увидела, как он поднялся с лавки и бесшумно выскользнул из кухни. Он слушал до тех пор, пока Кэтрин не сказала, что брак с ним принизит ее – больше он слушать не стал. Моя собеседница, сидя на полу, не могла из-за спинки скамьи заметить ни его присутствия, ни ухода, но я вздрогнула и попросила ее замолчать.

– Почему? – спросила она, взволнованно оглядевшись.

– Джозеф пришел, – отвечала я, вовремя услышав звук катящейся по дороге телеги. – И Хитклиф с ним. Я даже не уверена, не стоит ли парень сию минуту под дверью.

– О, за дверью он меня не услышит, – сказала на это Кэти. – Давай я подержу Гэртон, пока ты готовишь ужин, а когда пригостишь, поужинаем вместе. Я хочу успокоить свою больную совесть, удостоверившись, что Хитклиф не имеет никакого представления об этих вещах. Ведь не имеет, правда? Он не знает, что значит влюбиться, верно?

– Не вижу причины, почему бы ему не знать. Вы-то ведь знаете. И если его выбор пал на вас, то он будет самым несчастным созданием на свете. Как только вы станете миссис Линтон, он потеряет друга, любовь, да и вообще все. А вы задумывались над тем, как сами перенесете разлуку и каково ему будет остаться совсем одному на белом свете? Ибо, мисс Кэтрин...

– Чтобы он был один на белом свете? Чтобы мы разлучились? – вскричала она почти с негодованием. – Скажи на милость, кто же нас разлучит? Такого человека будет ждать участь Милон<sup>8</sup>. Покуда я жива, Эллен, никто и никогда не разлучит нас. Все Линтоны в мире обернутся пустым местом, прежде чем я соглашусь отречься от Хитклифа. Я совсем этого не хочу и об этом не помышляю! Я ни за что не стану миссис Линтон такою ценой! Хитклиф будет мне так же дорог, как был дорог всю мою жизнь. Эдгару придется избавиться от своей неприязни или, по крайней мере, стать терпимее. Так и будет, когда он узнает, как я на самом деле отношусь к Хитклифу. Нелли, я вижу, ты считаешь меня подлой эгоисткой, но неужто тебе не приходило в голову, что если мы с Хитклифом поженимся, то станем нищими? А вот если я выйду за Линтона, то помогу Хитклифу возвыситься и спастись от гнета моего брата.

– Благодаря деньгам своего мужа, мисс Кэтрин? – спросила я. – Он может оказаться не таким уступчивым, как вы рассчитываете. И, хотя не мое дело судить, я все же полагаю, что это наихудший повод стать женой молодого Линтона из всех, что вы перечислили.

– Ничего подобного! – парировала она. – Это самый лучший! Другие нужны мне для удовлетворения моих прихотей, и Эдгару тоже – для удовлетворения его прихотей. А этот

---

<sup>8</sup> Милон Кротонский (VI в. до н. э.) – греческий атлет, отличавшийся огромной физической силой. В старости попытался разорвать руками пень, но руки оказались так стиснуты частями пня, что Милон не смог высвободиться и стал добычей волков.

касается того, кто вобрал в себя и мои чувства к Эдгару, и всю меня. Не могу толком объяснить, но ты, как и все люди, должно быть, ощущаешь, что где-то вне тебя существует – или должно существовать – твое второе «я». Какой был бы смысл в моем создании, обитай я лишь здесь? Мои самые большие несчастья в этом мире всегда были несчастьями Хитклифа, я видела и чувствовала это с самого начала. Главная идея моей жизни – он. Если все вокруг погибнет, а *он* останется, я все еще буду жить. А если все останется, а его не будет, вселенная станет для меня чуждым местом – мне будет нечего в ней делать. Моя любовь к Линтону сродни листве в лесу – время ее изменит, как зима изменяет деревья. А любовь к Хитклифу подобна вечным скалам под теми деревьями – источник почти незаметной радости, но без него никуда! Нелли, я сама и есть Хитклиф! Я всегда, всегда думаю о нем – не как о чем-то приятном и не как о человеке, который доставляет мне больше удовольствия, чем я сама собственной персоной, а как о своем естестве. Так что не говори мне больше о нашем расставании. Этого быть не может и...

Она смолкла и зарылась лицом в складки моего платья, но я с силой его отдернула. У меня не хватало терпения выносить ее безрассудство!

– Если я могу вывести хоть какой-то смысл из всей чепухи, что вы наговорили, мисс, – сказала я, – то это лишь убеждение, что вы либо не понимаете обязанностей, которые накладывает на вас замужество, либо вы дурная, безнравственная девушка. И больше не беспокойте меня вашими секретами; не обещаю, что сохраню их.

– Но этот не выдашь? – с волнением спросила она.

– Не обещаю, – повторила я.

Она готова была настаивать, но появление Джозефа прервало наш разговор; Кэтрин пересела в уголок и принялась баюкать Гэртона, а я – варить ужин. Когда ужин был готов, мы с Джозефом заспорили, кому нести еду мистеру Хиндли, но так ни до чего и не договорились, пока все не остыло. Наконец сошлись на том, что подождем, когда Хиндли проголодается, ибо мы опасались попадаться ему на глаза, если он долго пребывал в одиночестве.

– Что ж этот негодник до сих пор с поля не явился? Где он болтается, бездельник? – спросил старик, ища глазами Хитклифа.

– Позову его, – ответила я. – Он наверняка в амбаре.

Я пошла в амбар и стала звать, но ответа не получила. Вернувшись, я шепнула Кэтрин, что Хитклиф, без сомнения, слышал большую часть того, что она говорила, и рассказала, что видела, как он выскользнул из кухни в тот момент, когда Кэтрин сетовала по поводу отношения к нему ее брата. Девушка вскочила в страшном испуге, бросила Гэртона на скамью и помчалась искать своего друга, не тратя времени на размышления, отчего это она так разволновалась и как Хитклиф воспринял ее слова.

Поскольку Кэтрин долго не возвращалась, Джозеф предложил больше никого не ждать. Он решил, что понял их хитрость – не идут, чтобы не слушать его слишком долгую молитву. Они оба «столь дурны, сколь и злокозненны в делах своих», заявил он. Посему ради них он в тот вечер добавил особую молитву к той пятнадцатиминутной, которую обыкновенно читал перед едой, и присовокупил бы еще одну в конце, если бы на кухню не влетела молодая хозяйка и не велела ему быстро бежать и искать Хитклифа, куда бы тот ни забрел, и заставить его немедленно вернуться.

– Мне нужно поговорить с ним, и я ни за что не уйду к себе наверх, пока не поговорю! – заявила она. – Ворота открыты. Он где-то далеко и меня не слышит, поэтому и не отвечает, хотя я что есть мочи кричала с крыши овчарни.

Поначалу Джозеф возражал. Но Кэтрин так настаивала, что отказаться было невозможно, и в конце концов ему пришлось нацепить на голову шляпу и, ворча, отправиться на поиски. Тем временем Кэтрин ходила взад-вперед по кухне, восклицая:

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.